

А.П. БАЗИЯНЦ

175 ЛЕТ
ИНСТИТУТУ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(1818 - 1993)

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ**

А.П. БАЗИЯНЦ

175 ЛЕТ

ИНСТИТУТУ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

(1818 - 1993)

МОСКВА

1993

Ответственный редактор Ю.В.Ганковский

**© А.П. Базианц, 1993
© Институт востоковедения РАН, 1993**

Техническое редактирование, компьютерная вёрстка и тиражирование осуществлены в Лаборатории информационных систем и малой полиграфии Института востоковедения РАН.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава I От Азиатского музея к Институту востоковедения: (1818 —1929)	5
Глава II Институт востоковедения в 1930 — 1949 гг.	65
Глава III Институт востоковедения после 1950 года	70

Приложения

1. Директора Азиатского музея	94
2. Директора Института востоковедения АН СССР	94
3. Востоковеды — действительные члены Академии наук (до 1917 г.)	95
4. Востоковеды — члены-корреспонденты Академии наук (до 1917 г.)	96
5. Востоковеды — действительные члены и члены-корреспонденты на 25 октября (7 ноября) 1917 г.	97
6. Действительные члены Академии наук, избранные после 1917 г.	98

ГЛАВА 1

ОТ АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ

К ИНСТИТУТУ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

(1818 - 1929)

Российское востоковедение имеет глубокие исторические корни.

Обширная многонациональная страна, расположенная на стыке двух континентов, простирается далеко на запад от географической границы Азии и ещё дальше на восток от границы Европы. Отсутствие в ряде случаев четких демографических границ, национальная чересполосица наложили глубокий отпечаток на развитие народов, их отношениях, язык, быт и культуру. И в прошлом, и в настоящее время востоковедение для народов нашей страны — это не только наука о странах и народах зарубежного Востока, их языках, литературе, культуре, истории, международных отношениях, — это и часть собственной отечественной истории, истории культуры и науки.

Колониальные владения России не были отделены морями и океанами от метрополии, не были изолированы, а непосредственно соприкасались с ней. Эта географическая близость и отсутствие, особенно на окраинах, четких этнических границ сыграли, в целом, положительную роль в экономическом, социальном и культурном развитии народов обширной Российской империи, содействовали сотрудничеству русской интеллигенции

и представителей культуры и науки народов Востока России. Влияние философии и культуры русского народа благотворно сказалось на развитии культуры народов России. Процесс этот не был односторонним. В интересующей нас сфере научных знаний он заложил предпосылки общероссийского востоковедения.

В целом востоковедению, как и любой другой гуманитарной науке, присущи те же самые исторические закономерности становления и развития.

Остановимся на основных вехах, на главных этапах истории становления отечественного востоковедения.

По мнению академика В.В. Бартольда (1869—1930), начало научного изучения Востока в нашей стране связано с именем Петра I¹. В первой четверти XVIII в. делаются первые попытки наладить систематическое изучение восточных языков и в 1714 г. создается знаменитая Кунсткамера, эта "праматерь всех наших музеев"². Создание Кунсткамеры содействовало накоплению музейных материалов и коллекций восточных рукописей, книг, монет и разного рода редкостей. В Кунсткамере собирались и хранились памятники истории и истории культуры, хотя они и не являлись ещё "предметом специального изучения. Если рукописи и ксилографы при поступлении в академическую библиотеку заносились в каталог, то монеты просто складывались в ящики и там хранились"³. Кунсткамера, по мысли Петра I, должна была служить целям просвещения, а также содействовать завязыванию связей с научными учреждениями Европы. Кунсткамера, открытая для обозрения в 1719 г., "по праву считается одним из старейших музеев мира"⁴.

¹ В.В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, с.203.

² Г.А. Князев, А.В.Кольцов. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.-Л., 1957, с.8.

³ Д.И. Тихонов. Из истории Азиатского музея. — "Очерки по истории русского востоковедения". Сб.2, М., 1956, с.454.

⁴ Т.В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.-Л., 1953, с.228.

Через 10 лет, уже после создания Академии наук, Кунсткамера была передана ей. "Однако, хотя в собраниях Кунсткамеры к середине XVIII в. имелось большое число памятников на восточных языках, предметов материальной культуры, особенно восточных монет, однако изучение их велось очень слабо"¹. Ни деятельность профессора восточных языков Г.Я. Кера, ни академик Т.З.Байера и других учёных не продвинули развитие востоковедной науки в России².

В истории отечественной науки Г.Я. Кер известен как автор проекта "Академии или Общества восточных наук и языков в Империи Российской". Этот документ был составлен им в 1733 г. и состоял из пяти разделов. Г.Я. Кер указывал, что Россия поддерживает постоянные торговые и дипломатические сношения со странами Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Средней Азии, а также и с Индией; что для успешного развития этих сношений нужны хорошо подготовленные специалисты, которые должны знать восточные языки, обычаи, нравы и особенности государственного устройства этих стран. Г.Я. Кер выдвинул программу подготовки учёных востоковедов и практических работников на Востоке. В составленном им перечне специалистов по Востоку упоминаются филологи, историки, нумизматы, архивариусы, библиотекари, переводчики, знатоки письма — арабского, персидского, турецкого.

Г.Я. Кер дал критическую оценку существовавшим в его время пособиям по восточным языкам и пришёл к выводу, что их недостаточно, грамматики — плохи, словари — редки; общий итог был неутешительным. Последний раздел проекта Г.Я. Кера — возможности и средства к учреждению Азиатской Академии — проникнут оптимизмом. Он считал, что книги, рукописи, письма на ближневосточных языках, хранящиеся в Коллегии иностранных дел, трофеи, добытые в Ширване, а также частные

¹ Д.И. Тихонов. Из истории Азиатского музея, с.452.

² И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т.V. М.-Л., 1958, с.36.

коллекции "могут составить основание для восточной библиотеки Императорской Восточной Академии или Общества"¹. Г.Я. Кер назвал знатоков различных восточных языков: Мессершмидта, Синевича, Мустафа-Ахмеда, Муртаза Тевкелева (трое последних — переводчики с турецкого языков), Бикри Христофора (турецкий и персидский языки), академика Теофила Зигфрида Байера, Бухарта, Бакунина и Смирнова (калмыцко-монголо-маньчжурский и китайский языки). Сам Г.Я. Кер был знатком арабского, персидского, эфиопского и некоторых других языков.

Документ, составленный Г.Я. Кером, остался к сожалению лишь памятником истории отечественного востоковедения; практической роли он не сыграл и фактически был забыт. Для нас этот документ важен как свидетельство очевидца о состоянии Российского востоковедения в первой трети XVIII в. К картине, нарисованной Г.Я. Кером, следует добавить несколько штрихов о положении дел с изучением языков Дальнего Востока.

Систематического изучения этих языков налажено не было, а Российская духовная миссия в Пекине, основанная в 1717 г. и служившая не только неофициальным дипломатическим представительством России, но и первым центром изучения Китая и подготовки кадров русских китаеведов, только набирала силу.

Таким образом, создать в первой половине XVIII в. научный центр востоковедения в России не удалось. Более того, по утверждённому в 1747 г. "Регламенту Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге", т.е. по уставу Академии, гуманитарные науки (историко-филологические и юридические) вообще отходили от Академии и передавались академическому университету, созданному в том же 1747 г. При этом кафедра восточных языков в университете не была предусмотрена Регламентом 1747 г.

¹ Цит. по: П.Соловьев. Предложения об учреждении Восточной Академии в С.Петербурге, 1733 и 1810 гг. — "Журнал Министерства Народного Просвещения", 1856, ч.89, отд.1, № 2, с.7.

Этот регламент признавался некоторыми членами Академии наук неудовлетворительным, а М.В. Ломоносов выдвинул свой проект реорганизации структуры Академии, проект устава академической гимназии (1758 г.) и проект устава академического университета (1759 г.). "Учебная программа академического университета", составленная Ломоносовым, предусматривала преподавание ряда новых дисциплин: русского права, химии, ботаники, анатомии, а также восточных языков.

Академик И.Ю. Крачковский (1883—1951) считал, что идеи Г.Я. Кера были близки Михаилу Васильевичу Ломоносову и, "может быть, не случайно в плане помеченных им для себя работ и проектов в черновых записях Ломоносова стоит "ориентальная Академия"¹. М.В.Ломоносов утверждал, что географическое положение России, ее торговые и политические интересы в Азии и связи с Азией настоятельно требуют глубокого изучения восточных стран и языков; он обосновал идею создания специализированных научных и учебных учреждений и считал необходимым создание в России "Ориентальной Академии"².

Ломоносовский проект устава не был утверждён, тем не менее в 1760 г. президент Академии наук К.Г. Разумовский передал гимназию и университет в ведение учёного, предоставив ему право и возможность руководствоваться его собственным регламентом³.

Но, несмотря на значительное улучшение учебного процесса в гимназии и университете и наметившуюся положительную роль, которую стала играть Академия в подготовке отечественных учёных, правительство не оказало поддержки преобразованиям учёного. Поэтому вскоре после смерти М.В. Ломоносова университет прекратил существование. Неудача постигла и "Собственноручный проект" училища восточных языков, составлен-

¹ И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т.V, с.37.

² М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т.10. М.-Л., 1957, с.50.

³ Г.Д. Комков, Б.В.Левшин, Л.К.Семёнов. Академия наук СССР. Т.1. М., 1977, с.97.

ный Фёдором Ивановичем (Теодором) Янковичем де Мириево, сербским дворянином, приглашённым Екатериной II в Россию по рекомендации эрцгерцога Иосифа II для участия в работах Комиссии об учреждении народных училищ. По проекту Фёдора Янковича в восточном училище полагалось иметь "учителей семь... Учеников у каждого учителя по 12, а всех 84". Проект устанавливал не только количество учителей, но и, говоря современным языком, нагрузку каждого из преподавателей.

§ 2. Число учителей с означением языков

1. Для турецкого вместе с арабским и персидским.
2. Для татарского с бухарским, киргизским, хивинским и трухменским.
3. Для имеретинского с карталинским.
4. Для армянского с горским того народа в горах кавказских, который многочисленнее и с коим России более дела или ныне есть, или со временем быть может.
5. Для калмыцкого с монгольским.
6. Для манжурского с китайским.
7. для ... (неразборчиво — А.Б.) у западных берегов Северной Америки и сибирским¹.

Несомненно, Фёдор Янкович был человеком сведущим в восточных языках, выдвинувшим определенные принципы при распределении "учебной нагрузки" преподавателей. Правда, он объединил в одну группу арабский, персидский и турецкий языки. Но и много позже в различных университетах Европы и России первые два из перечисленных языков, а часто и все три включались соответственно в один арабско-персидский или арабско-персидско-турецкий разряд с одним преподавателем для двух-трёх дисциплин (вероятно, исходили из соображений, что это языки мусульманских народов, пользовавшихся арабской письменностью). Ясно, что вторую группу составляют тюркские

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). ф.17, оп.1, д.83, л.1,2—2 об.

языки, третью — кавказские, пятую — монгольские. Наибольшие затруднения у авторов проекта, надо полагать, вызвала четвёртая группа. Здесь армянский язык, не имеющий аналогов и обособленный в отдельную ветвь индоевропейской семьи, объединен с неназванным языком наиболее многочисленного горского народа Кавказа. Видимо, автор проекта исходил из принципа, что уж коли каждому учителю не менее двух языков надлежит преподавать, то и учителю армянского следует добавить ещё один язык, но какой — он точно назвать не решился. Любопытна седьмая группа. Впервые выдвигается мысль о необходимости изучать северо-восточные языки Сибири. Автор прямо называет — языки народов, обитающих у западных берегов Северной Америки. Несомненно, это предложение связано с активным освоением русскими купцами и промышленниками Аляски, принадлежавшей России до 1867 г. Возможно, что Ф. Янкович имел сведения о языковой близости народов крайнего северо-востока Азии и севера Америки.

В заключение следует сказать, что проект Фёдора Янковича де Мириево — любопытный, интересный документ второй половины XVIII в., предусматривавший создание училища, где преподавались бы языки народов пограничных с Россией восточных стран и тех народов, с которыми Россия поддерживала тесные торговые связи.

Таким образом, вплоть до начала XIX века востоковедение в Академии наук и в России в целом не получило необходимого развития. Что касается материалов по истории и истории культуры народов Востока — книг, рукописей, монет и т.д., то собирание их, хотя и не носило систематического характера, велось на протяжении всего XVIII столетия, и поэтому в музее и библиотеке Академии наук были собраны богатые коллекции.

Преодоление отставания академической науки требовало изменения структуры Академии и новых организационных форм ее деятельности. В 1803 г. Академия наук получила новый устав

и новую структуру. Упразднялась академическая гимназия; учебная часть и "художества" отходили от Академии, вместо этого в высшем научном учреждении страны восстанавливались гуманитарные науки — "история, статистика и экономия политическая"¹. Но и новый устав 1803 г. обходил стороной востоковедные науки. Однако в Академию наук были приглашены: востоковеды-китаеведы Генрих Данилович (Христиан Мартин) Френ в 1817 г.; языковед, востоковед-санскритолог Януарий Осипович Ярцов (1818 г.); монголовед и тибетолог Яков Иванович Шмидт (1829 г.); арабист, санскритолог, иранист Франсуа Бернар Шармуа (1832 г.); арабист, санскритолог и тюрколог Генрих Леберехт Флейшер (1835 г.), санскритолог Роберт Христианович Ленц². Это было сделано на основании § 24 Регламента Академии наук 1803 г., который предусматривал возможность "принять в число ординарных членов какого-либо известного учёного, упражняющегося в науке, в § 3 не означенный, есть ли найдет она выгодным присоединение сей науки к предметам обыкновенных её занятий"³.

Начало XIX века в истории отечественного востоковедения занимает особое место. В первой четверти прошлого столетия были созданы востоковедные подразделения в университетах; кафедры восточных языков, Азиатский музей Академии наук, Лазаревский институт восточных языков, Учебное отделение Азиатского департамента МИД России, Восточный институт при Лицее Ришелье в Одессе. Складывается система подготовки кадров востоковедов, создаются востоковедные учебные и научные центры. Эти годы были качественно новым периодом в истории отечественного востоковедения, предопределившим появление новой востоковедной школы в мировой ориентали-

¹ Уставы Академии наук СССР. М., 1975, с.64.

² См.: Академия наук СССР. Персональный состав. Книга 1. М., 1974, с.32, 37, 41, 43, 44.

³ Уставы Академии наук СССР, с.68-69.

стике — российской. Создаются востоковедные центры в Москве, Харькове, Казани, Петербурге, Дерпте, Вильно, Одессе.

Завоевания России на Востоке остро поставили проблему управления новыми владениями и освоения их в экономическом и иных отношениях. После победных для России войн с Ираном (1804—1813 и 1826—1828 гг.) Восточное Закавказье вошло в состав России. Войны России с Турцией (1806—1812 и 1828—1829 гг.) также завершились победой русского оружия. Несмотря на вооружённые конфликты, продолжали развиваться и мирные взаимовыгодные торгово-экономические связи России с Ираном и Турцией¹.

Вхождение в состав России Грузии, Северного Азербайджана, Восточной Армении не только изменили географическую, но и разнообразили ее политическую, религиозную, этнографическую и лингвистическую карту. Россия стала непосредственно соседствовать с Ираном и Турцией. Издавна существовавшие торговые и экономические связи России со странами Юго-Западной Азии получили дополнительный стимул развития.

В русском обществе нарастал интерес к Востоку. Об этом свидетельствует, например, факт избрания в число иностранных почётных членов Академии английского востоковеда Сусли Гора в 1815 году, французских ориенталистов Сильвестра де Саси и Луи Матьё-Лангле в 1818. Восточная тема звучала в русской музыке, живописи и особенно в литературе.

В начале XIX века правительство России утвердило новое положение об учебных заведениях, по которому страна делилась на несколько учебных округов, в каждом из которых все учебные заведения были разбиты на разряды - начиная от приходских школ и кончая университетами. Университеты мыслились как центры образования и руководства учебным делом соответствующего учебного округа. К этому времени в России существовали

¹ Подробнее см.: "Библиография Ирана", М., 1967, №№ 1887-1917; "Библиография Турции", М., 1977, №№ 3335—3349.

три университета - Московский, основанный в 1755 г., Дерптский (1802 г.) и в Вильно (Вильнюсе). Помимо этих городов, университеты предполагалось создать в Петербурге, Казани и Харькове.

Разрабатывается проект создания училищ восточных языков с центральным училищем этого типа в Казани. По этому проекту, а готовила его Коллегия иностранных дел в 1806 г., предполагалось учредить при казанской гимназии, помимо уже имевшегося класса татарского языка, классы арабского и турецкого языков; при иркутской гимназии — китайского и маньчжурского языков (класс японского существовал здесь ещё с 1782 г.), а в тифлисской персидской школе ввести изучение грузинского и армянского языков. "Ученики, прошедшие курс учения в этих классах, должны прикомандировываться для дальнейшего усовершенствования в восточных языках к Казанскому университету, по окончании занятий при котором (сроком не менее годичного) они подвергаются особому испытанию в Коллегии иностранных дел, после чего определяются в государственную службу переводчиками при коллегии, при русских миссиях и консульствах; если же по ведомству иностранных дел мест не окажется, они могут быть определяемы на учительские вакансии или на общие административные должности при губернаторах восточных областей"¹. Учеников классов китайского и маньчжурского языков предполагалось прикомандировывать на правах студентов к Российской духовной миссии в Пекине.

В ходе обсуждения этого проекта попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский в ноябре 1806 г. предложил учредить при казанской гимназии "главное для восточных языков училище" и сосредоточить в нем преподавание десяти восточных языков: татарского, арабского, турецкого, персидского, грузинского, армянского, японского, китайского, маньчжурского и калмыцкого².

¹ Цит. по.: Н.Загоскин. История Императорского Казанского университета. Т.1, 1902, с.222.

² Там же.

Однако проекты учреждения при Казанском университете специального училища восточных языков остались неосуществленными.

Начало преподавания восточных языков было положено в Московском университете ещё в пятидесятые годы XVIII в.

В 1756 г. в Московский университет был приглашен уроженец Венгрии, воспитанник, а затем доктор философии Тюбингенского университета Йоганн-Маттиас Шаден. Более сорока лет имя Шадена связано с Московским университетом и университетской гимназией. "По-видимому, — пишет А.А. Стариков (1892-1962) — Шаден был хорошим лектором и организатором, оставившим добрую память среди своих многочисленных учеников, в числе которых мы видим Карамзина, Фонвизина, Муравьева (будущего куратора Московского университета). Для нас сейчас интересны в первую очередь востоковедческие познания Шадена и его педагогическая работа в этой области. К сожалению, о последней мы не имеем почти никаких сведений"¹. По нашему мнению, древнееврейский язык Шаден студентам преподавал.

Ссылаясь на публикации середины прошлого века, А.А. Стариков приводит сведения о Матвее Гавриловиче Гаврилове (1759—1829), воспитаннике университета и его профессоре с 1811 г., а также об Иване Рехте.

Историки науки обычно связывают становление востоковедения в Московском университете с именем Алексея Васильевича Болдырева, преподавательская деятельность которого началась осенью 1811 года.

А.В. Болдырев (1780—1842) разночинец по происхождению, сын штаб-лекаря, по окончании университетской гимназии продолжал образование в Московском университете, сначала на юридическом, а затем на философском факультете. Успехи

¹ А.А. Стариков. Восточная филология в Московском университете. — "Очерки по истории русского востоковедения". Сб. III, М., 1960, с.149.

молодого "кандидата новейшей литературы", а годом позже (1806) "магистра философии и свободных наук" способствовали тому, что его посылают (в 1805 г.) для изучения восточных языков за границу за счет университета. Болдырев учился в Германии (Гёттинген) и во Франции. "Особенно ценным было его пребывание в Париже, в школе крупнейшего арабиста и ираниста Сильвестра де Саси"¹.

В 1811 г. А.В. Болдырев — адъюнкт кафедры восточных языков, через четыре года — экстраординарный профессор, ещё через три года — ординарный профессор и, наконец, в 1832 г. — декан словесного отделения, а с 9 июня 1833 г. — ректор Московского университета.

А.В. Болдырев был не только прекрасным преподавателем, но и автором ряда учебных пособий и переводов. По справедливому замечанию Б.М.Данцига, он был одним "из основателей школы русских востоковедов"².

А.В. Болдырев оставил ряд учеников — Л.З. Будагова, Н.Г. Коноплёва, М.И. Коркунова³, П.Я. Петрова; подготовил несколько учебных пособий, которые намного пережили их автора. Академик И.Ю. Крачковский даёт самую лестную оценку арабской хрестоматии А.В. Болдырева, которая "считалась с достижениями науки того времени и в двух изданиях разошлась, без преувеличения, по всей России"⁴.

Помимо арабской хрестоматии А.В. Болдырев выпускает "Персидскую хрестоматию" в двух частях, которой пользовались во всех учебных заведениях страны при изучении персидского языка. Второе издание персидской хрестоматии увидело свет в

¹ А.А. Стариков. Восточная филология в Московском университете, с.152.

² Б.М. Данциг. Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.). М., 1968, с.46.

³ Михаил Андреевич Коркунов (1806—1858) специализировался по истории и археологии. Был избран в академики по Отделению русского языка и словесности.

⁴ И.Ю. Крачковский. Востоковедение в письмах П.Я.Петрова Белинскому В.Г. — "Очерки по истории русского востоковедения". М., 1953, с.80.

1833—1834 гг. Персидская хрестоматия А.В. Болдырева была единственным пособием вплоть до выхода в свет "Образцов персидской письменности" Мирзы Абдуллы Гаффарова¹, т.е. до начала XX столетия. А.В. Болдырев принимал меры к созданию в университетской библиотеке фонда восточных книг.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность видного учёного внезапно и трагично прервалась в 1836 г. после появления в одном из номеров журнала "Телескоп" "Философского письма" П.Я. Чаадаева. Болдырев был арестован (как ректор университета он являлся членом Московского цензурного комитета и цензором периодических изданий университетского округа), после годичного тюремного заключения исключен из числа преподавателей Московского университета и с "волчьим билетом" уволен в отставку без пенсии.

Судьба А.В. Болдырева отрицательно сказалась и на развитии востоковедения в Московском университете. Многие годы после отставки А.В. Болдырева кафедра восточных языков оставалась вакантной, а позже университетское востоковедение покоится на "прокрустовом ложе" внештатного регламента, не обязательного для студентов расписания занятий.

Центр московского востоковедения, при сложившихся в университете неблагоприятных условиях, перемещается в основанный в 1815 г. Лазаревский институт восточных языков.

Востоковедные кафедры, как отмечалось выше, возникают в различных университетских центрах страны — Харькове, Вильно, Дерпте, Казани, Петербурге. Упомянем Харьков, где в 1829 г. началась педагогическая деятельность будущего директора Азиатского музея Б.А. Дорна; Вильно, где учился видный востоковед и весьма известный в своё время писатель О.И. Сенковский; большая группа учёных востоковедов, в том числе С.И. Назарянц, вышла из Дерпта; десять лет проработал в Каза-

¹ А.А. Стариков. Восточная филология в Московском университете, с.156.

ни Х.Д. Френ, по праву считающийся одним из выдающихся востоковедов первой половины прошлого столетия.

В эти же первые десятилетия XIX в. возникают три восточных института: упомянутые выше Московский Лазаревский институт восточных языков, Восточный институт при Лицее Ришелье в Одессе, Восточный Институт (учебное отделение Азиатского департамента МИД) в Петербурге. Учебный план перечисленных учебных заведений предусматривал изучение трёх восточных языков: арабского, персидского, турецкого.

История Лазаревского института достаточно хорошо исследована в многочисленных публикациях авторов нескольких поколений. Одесское учебное заведение, в котором преподавали такие известные учёные, как В.В. Григорьев, И.Н. Холмогоров, было открыто в 1828 г. И в Лазаревском лицее и в Лицее Ришелье преподавание восточных языков начиналось в младших, гимназических классах.

Особое место среди востоковедных учебных заведений России занимало учреждение "при Азиатском департаменте министерства иностранных дел учебное отделение для восточных языков", начальником которого 29 мая 1823 г. назначен был статский советник Г.М. Влангали. Цель нового учебного заведения, которое иногда называли Восточным институтом, определялась необходимостью "иметь приспособленных к делу драгоманов из русских подданных для наших миссий в Турции и Персии, и посему в учебном отделении преподаются три восточных языка (арабский, персидский, турецкий — А.Б.) и число воспитанников весьма ограничено (от 6 и менее до 10 ч.)"¹. Курс обучения был двухлетним. Среди первых профессоров учебного отделения мы встречаем те же имена, что и в Петербургском университете. Деманж вел занятия по арабскому языку, Шармуа — по персидскому и турецкому, Топчибашев — персидскому. Как

¹ Материалы для истории факультета восточных языков. Том первый. СПб., 1905, с.535.

отмечает академик А.Н. Кононов (1906—1986), в "Учебном отделении была создана первая кафедра истории мусульманского Востока; курс истории и географии Азии в течение всего времени существования кафедры (1835—1843) читал Б.А. Дорн"¹, которого с этой целью перевели в 1835 г. из Харькова в Петербург. С Учебным отделением в первой половине XIX в. связаны были: П.И. Демезон (профессор турецкого и персидского языков с 1836 г. и начальник Отделения с 1843 г.), грек Чорбаджи-оглу (практические занятия по турецкому языку), константинопольский армянин Оханнес Амиди² (турецкий язык), турок Вехби-эфенди (репетитор турецкого языка) и др.

Но вернёмся к истории академического востоковедения.

Создание Азиатского музея непосредственно связано с двумя именами — С.С. Уварова и Х.Д. Френа. С.С. Уваров (1786—1855), будущий президент Петербургской Академии наук (с 1818 г.) и министр народного просвещения (1833—1849), сыграл значительную, хотя и не во всём положительную роль в развитии Академии наук. Службу он начал дипломатом, поступив в 1801 г. в коллегию иностранных дел. В 1806 г. его отправляют в русское посольство в Вене, а в конце 1809 г. назначают секретарем русского посольства в Париже. Здесь он знакомится со многими деятелями литературы и науки, входит в непосредственные сношения с членами Института Франции. В 1810 г., в бытность попечителем Петербургского учебного округа, он публикует свой проект Восточной Академии³. В отличие от всех предыдущих проект Азиатской Академии С.С. Уварова обратил на себя внимание не только в России, но и в Европе. Историк науки П. Савельев писал, что "Наполеон приказал Институту (имеется в виду Институт Франции — А.Б.) представить рапорт

1 Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. М., 1974.

2 На надмогильном памятнике Амиди написано имя Асатур (Амиди похоронен на Армянском Смоленском кладбище Петербурга).

3 Мысли о заведении в России Академии Азиатской. — "Вестник Европы". 1811, ч.55, № 1, с.27—52; № 2, с.94—116.

об этом сочинении и, может быть, хотел осуществить русскую мысль в столице Французской империи"¹. Экземпляр проекта Г.Ю. Клапорт, в то время экстраординарный академик Петербургской АН, по просьбе автора дал на отзыв Гёте². Сочувственно отнесся к проекту Сильвестр де Саси³. Критические замечания по проекту высказал в письме его автору живший тогда в Петербурге Жозеф де Местр (1753-1821).

Проект С.С. Уварова, несмотря на широкое распространение и живые отклики в печати и письмах, реальных последствий не имел. В этом отношении он разделил судьбу других проектов.

Вскоре после публикации проекта, в 1811 г. С.С. Уваров был избран почётным членом Академии наук, а 12 января 1818 г. высочайшим указом назначен президентом Академии. 28 января 1818 г. С.С. Уваров вступил в должность президента, и уже 11 февраля по его инициативе почётными членами Академии избираются Александр Гумбольдт и французские ориенталисты Сильвестр де Саси и Луи Матьё Лангле, "которых изумительные разыскания так сильно привлекли к себе внимание графа С.С. Уварова, тем более что он приготавлился уже к открытию восточных кафедр (арабского и персидского языков) в тогдашнем педагогическом институте, из которого, по его предначертанию, через год возник здешний (Петербургский — А.Б.) Университет"⁴. Его стараниями был основан в том же 1818 г. и Азиатский музей Академии наук.

Днём создания Азиатского музея принято считать 11 ноября 1818 года, когда президент Императорской Академии Наук

¹ П.С. Савельев. Предположения об учреждении Восточной Академии в С.-Петербурге в 1733-1810 гг. - "Журнал министерства народного просвещения". 1856, ч.89, № 2, отд.3, с.36.

² Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, с.12.

³ И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т.1, М.-Л., 1955, с.68.

⁴ П.А. Плетнев. Памяти графа Сергея Семеновича Уварова, Президента Императорской Академии наук. СПб., 1855, с.15—16.

обратился в Комитет Правления Академии с письмом следующего содержания:

"В музее Императорской Академии Наук доселе находилось немало книг и рукописей восточных, а ожидаемым теперь из Марсели, купленным для сей Академии с Высочайшего соизволения у г.Руссо, собранием сия часть значительно приумножится. Сверх того хранилась и богатая коллекция восточных медалей. По случаю чего представлял я г. Министру духовных дел и народного просвещения о необходимости устроить при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных, под названием восточного кабинета и хранителем онаго определить г. Академика Френа с производением ему за сей труд к получаемому им жалованью, прибавочных по 400 рублей в год из Экономических сумм Академии. Ныне г. Министр дал мне знать, что по внесённой им записке Комитет г.г. Министров утвердил таковую прибавку жалованья г. Академику Френу, полагая производство оной с 1-го января будущего 1819 года. Я предлагаю Комитету сделать по сему надлежащее распоряжение, как об устройстве восточнаго Кабинета, так и о производстве г.Френу прибавочных денег по званию Хранителя упомянутого Кабинета"¹.

О научной значимости коллекции Руссо и влиянии её на судьбу Х.Д. Френа написал много позже академик И.Ю. Крачковский в широко известной работе "Над арабскими рукописями". "Коллекция была приобретена двумя партиями в 1819 и 1825 гг. Франция лишилась ценного собрания², но у нас оно сыграло громадную роль, положив основание мировым фондам Азиатского музея. Своей притягательной силой, не меньше монет академического собрания, оно удержало навсегда в России знаменитого Френа, который из Казани, где прослужил десять лет,

¹ Архив АН, ф.152, оп.1, д.1, л.8.

² Служивший много лет в Леванте консулом, Руссо предложил сначала свою коллекцию французскому правительству, которое от покупки (из-за расстроенных финансов) отказалось.

возвращался к себе на родину в Росток, на кафедру своего умершего учителя. Этот первый хранитель Азиатского музея, основатель нашей арабистики, по достоинству оценил значение рукописей и сбенедиктинским трудолюбием в многочисленных томах своих материалов дал первое их описание — инвентарь¹. Никто лучше Х.Д. Френа не мог знать о колоссальных богатствах, собранных в Кунсткамере. Х.Д. Френ и предложил назвать новое учреждение не Восточным кабинетом, а Азиатским музеем, которое более, чем "кабинет", подходило к этой обширной коллекции монет и письменных памятников. Таким образом, самостоятельный научный востоковедческий центр в Академии появился в ноябре 1818 г., когда был создан Азиатский музей. В эти же десятилетия и двадцатые годы XIX столетия новым уставом Академии наук и реформой высшей школы было положено начало систематическому, не прерывавшемуся с тех пор в своем развитии, изучению языков, стран, народов, культур и памятников Востока, были созданы востоковедные научные и учебные центры — завершился начальный период истории отечественного востоковедения.

Но вернёмся к рассказу о первом директоре Азиатского музея.

Христиан Данилович (Христиан Мартин) Френ родился 23 мая (н.ст.) 1782 г. Востоковед-арабист, тюрколог, нумизмат. Ординарный академик по восточным древностям с 1817 г. Его жизнь и научно-педагогическую деятельность можно разделить хронологически на три периода: первый — до 1807 г., второй — казанский — с 1807 по 1817 г., и третий период — петербургский — с 1817 г.

Х.Д. Френ родился в Росток. Здесь он учился в университете у крупного учёного О.Г. Тихсена (1734—1815) — специалиста по восточным языкам и нумизматике. Помимо Ростка Х.Д. Френ слушал лекции в Гёттингене и Тюбингене. Окончил—

¹ И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т.1, М.-Л., 1955, с.68.

ся период учёбы и перед молодым учёным встал вопрос о дальнейшей деятельности. Она складывается не очень удачно. Он отправляется в Швейцарию, где преподаёт латинский язык в педагогическом институте Песталоцци (в Бургдорфе). Через два года возвращается в Рёсток, чтобы давать там частные уроки. Более успешно складывается его деятельность на научном поприще (его первая работа вышла в 1804 г.). Вскоре он получает степень доктора богословия и философии.

По рекомендации проф. Тихсена, Х.Д. Френа, большого знатока семитских языков, приглашают в Россию и зачисляют в 1807 г. профессором Казанского университета. Так начинается казанский период жизни.

Нельзя сказать, что педагогическая деятельность Х.Д. Френа была успешной. Он не владел русским языком, а его студенты — не были большими специалистами в немецком или латинском, на которых Х.Д. Френ мог вести занятия. Но в чем Х.Д. Френ особенно преуспел — это в нумизматике. В столице бывшего Казанского ханства он изучает арабские, персидские, а также монеты Золотой Орды. Здесь он успешно изучает и восточные рукописи. Его научная деятельность получает известность в Европе.

После смерти Тихсена (в 1815 г.) Х.Д. Френа приглашают в Ростокский университет. Он решает переехать в Германию, преподавать восточные языки в университете Ростка. Но Х.Д. Френа приглашают и в Петербург. Он понимает, что в Ростке его ожидает заурядная преподавательская деятельность, а в России с её богатыми коллекциями рукописей и, можно сказать, кладами восточных монет — плодотворная научная карьера. После раздумий Х.Д. Френ избирает Петербург. Так начинается его третий период жизни — петербургский.

В 1817 г. его избирают в академики, а с 1818 г. он возглавил Азиатский музей, став его первым директором и ... единственным сотрудником в течение нескольких лет. Х.Д. Френ устано-

вил принципы описания и каталогизации рукописного богатства Музея и, тем самым, принципы научного описания восточных рукописей. Подготовил в рукописи извлечения "исторических и географических известий о славянах, русских, козарах (хазарах — А.Б.), булгарах (волжских — А.Б.) и других соседственных для древней истории России важных народов" из тюркских и арабских источников, т.е. подчеркнул научную значимость и необходимость изучения рукописей и других источников на языках народов Востока.

Х.Д. Френ поставил перед собой задачу сделать из Азиатского музея не только хранилище рукописей, книг и монет, а научный центр. И именно при Х.Д. Френе этого удалось добиться. Можно утверждать, что до создания восточного факультета Петербургского университета в середине пятидесятых годов прошлого столетия основным востоковедным центром страны в первой половине XIX ст. были в Петербурге — Азиатский музей АН, в Москве — Университет и Лазаревский институт.

Х.Д. Френу удалось собрать значительный материал и создать практически три весьма важных компонента материальной базы научного востоковедного центра: рукописный, библиотеку, нумизматическую коллекцию.

Далее Х.Д. Френ — директор Азиатского музея и его единственный сотрудник — приложил много усилий, чтобы открыть уже в июле 1819 г., т.е. через полгода, Азиатский музей для посетителей.

Большую роль сыграл Х.Д. Френ в подготовке кадров учёных — востоковедов. Он не только сам лично помогал начинающим учёным, но много сделал для командированных за границу. Он составлял для них научные планы, программу занятий, тщательно изучал их отчеты и вносил коррективы в программу подготовки в случае необходимости.

Нельзя не отметить личных качеств учёного. Х.Д. Френ много делал, чтобы, говоря современным языком, трудоустроить

молодых учёных. Нельзя забывать, что в первой половине XIX столетия в России востоковедных учебных, не говоря о научных, центров было чрезвычайно мало, да и расписание их предусматривало две-три штатные единицы.

Коллекции Азиатского музея состояли из восточных рукописей, книг по Востоку на европейских языках, археологических памятников, предметов этнографии¹, азиатских редкостей и восточных монет, переданных из Кунсткамеры, библиотеки и архива Академии наук.

На 1818 г., на год основания, в фондах Азиатского музея хранилось:

книг	1120;
арабских, персидских и тюркских рукописей	818;
китайских, маньчжурских печатных сочинений (в том числе и несколько рукописей)	279;
японских книг и рукописных сочинений	27;
книг на тибетском и монгольском языках	180.

Монетные клады Азиатского музея составляли внушительную цифру — около 20 тысяч монет. Но среди них было много малоценных, стёртых, а также дублетов. После отбора монет Х.Д. Френем в нумизматическое собрание Азиатского музея вошло из старого фонда 4395 монет.

Академик Х.Д. Френ, ещё в Казани приобретший вкус к восточной нумизматике, мечтал создать капитальный много-томный труд, в котором предполагал описать все восточные монеты Азиатского музея. В 1826 г. ему удалось издать том задуманного исследования. И несмотря на то, что этот первый том так и остался единственным, само исследование получило признание и высокую оценку специалистов.

В течение первых нескольких лет единственным хранителем Азиатского музея оставался Х.Д. Френ и только в 1823 г. ему

¹ С основания в 1837 г. в Академии Этнографического музея сюда перешла часть материалов.

в помощь был назначен кандидат С.-Петербургского университета М.Г. Волков (официальное назначение "непосредственно помощником к г. академику Френу по восточному музею" последовало в 1826 г.).

После окончания гимназии Михаил Григорьевич Волков учился в Главном педагогическом институте (1818—1820), а затем (1820—1823) на Историко-филологическом факультете Петербургского университета.

Первыми преподавателями восточных языков высших учебных заведений Петербурга были рекомендованные знаменитым французским ориенталистом, почётным членом Российской АН Сильвестром де Саси, Жан Франсуа Деманж и Франсуа Бернар Шармуа. Первый возглавил кафедру арабской словесности, а Шармуа — персидской. А.М. Куликова, автор исследования "Становление университетского востоковедения в Петербурге", опираясь на косвенные данные, допускает, что Деманж помимо арабского языка преподавал в Институте ещё и армянский, а Шармуа, кроме персидского, вел занятия и по турецкому языку. "С начала 1819 г. в помощь профессорам приняли учителя для практических занятий — М.Д. Топчибашева"¹. Многолетняя деятельность на востоковедном поприще Мирзы Джафара Топчибашева (1790—1869) требует сказать несколько слов о нем. Уроженец азербайджанского города Ганджа, М.Д.Топчибашев образование получил в медресе Тифлиса. "Изучал арабский, свободно владел персидским, турецким, азербайджанским, знал разговорный грузинский и армянский языки"². Для нас важно установить, что М.Г. Волков получил востоковедное образование, обучаясь у Деманжа, Шармуа, Сенковского, Топчибашева.

Свыше двадцати лет проработал в Музее М.Г. Волков, этот, по характеристике И.Ю. Крачковского, "скромный учёный, по-

¹ А.М. Куликова. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982, с.30.

² Там же, с.31.

ложивший начало замечательному типу хранителей Азиатского музея, стойко державшемуся на протяжении века. Питомец Университета, кончивший курс в составе первого его выпуска в 1823 г.¹, "трудолюбивый и образованный, он был для Азиатского музея незаменимым тружеником"².

Что же представлял собой Азиатский музей Академии? Это хранилище восточных рукописей, восточных и востоковедных книг, ксилографов; место, где описывали, каталогизировали; собирали коллекции восточных монет, каталогизировали их, изучали и издавали нумизматические исследования; музей с экспозицией для обозрения посетителями; библиотека, где учёными изучались памятники культуры. Это был и музей, и научно-организационный центр востоковедения в Петербурге. Скромный штат сотрудников в лице Френа и Волкова, а также приглашаемых на время учёных вел исследовательскую работу.

Конечно, ни колоссальных знаний Х.Д. Френа, ни самоотверженного труда М.Г. Волкова было недостаточно для обработки материалов Азиатского музея. Х.Д. Френ и М.Г. Волков занимались в нем систематизацией коллекций памятников на переднеазиатских языках. Что касается памятников на дальневосточных языках, то "они приводились в порядок только от случая к случаю, когда отдельные лица соглашались частным образом заниматься дальневосточными коллекциями. Так, большую коллекцию китайских, монгольских и других рукописей и ксилографов коллекции описал Бичурин"³. К аналогичной работе привлекался и другой крупный востоковед — Дорджи Банзаров.

Не занимал официального поста в Азиатском музее и академик М.И. Броссе. Тем не менее его роль в собирании и составлении рукописной и печатной коллекции на кавказских

¹ И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т.5, М.-Л., 1958, с.72.

² Там же, с.73.

³ "Очерки по истории русского востоковедения". Сб. 2, с.457.

языках исключительна. Особое внимание уделял Броссе памятникам на грузинском языке. Вклад Мария Ивановича (Мари-Фелисите) Броссе в грузиноведение настолько значителен, что его признают основателем европейского грузиноведения. Кавказский фонд значительно пополнился в 1847 г., когда в Азиатский музей были переданы оставшиеся после смерти царевича Теймураза (Теймураз Георгиевич Багратиони), почётного члена Академии наук, грузинские рукописи и старопечатные книги.

Академик М.И. Броссе, член-корреспондент К.П. Патканян, профессора Петербургского университета Д.И. Чубинов (Чубинишвили) и А.А. Цагарели внесли значительную лепту в составление и описание Кавказского фонда. Одновременно они, известные кавказоведы, для написания своих работ по армянскому и грузинскому языкознанию, вопросам литературы и истории широко использовали фонды Азиатского музея.

Вероятно, есть необходимость объяснить статус академиков, не занимавших штатных должностей в академических учреждениях. Ещё основатель отечественной Академии наук Пётр I в проекте об учреждении Академии наук и художеств в 1724 г. рассматривал термин академик не только как учёное звание, но и как должность. "Должность академика", в частности, обязывала: "1. Все, что в науках уже учинено — розискивать, что к исправлению или приращению оных есть — производить, что каждый в таком случае изобрел — сносить и тое секретарю вручать...

2. Каждый академик обязан в своей науке добрых авторов, которые в иных государствах издаются, читать. И тако ему легко будет экстракт из оных сочинить. Сии экстракты, с прочими изобретениями, имеют от Академии в назначенные времена в печать отданы быть...

6. Каждый академикус обязан систем или курс в науки своей в пользу учащихся младых людей изготовить, а потом оные имеют на императорском иждивении на латынском языке печат-

таны быть..."¹. Фактически и последующие уставы рассматривали звание академика как синоним должности.

Вероятно, в этом отношении особенно примечателен О.Н. Бётлингк. Оттон (Отто) Николаевич Бётлингк родился 11 июня (30 мая) 1815 г. в Петербурге. По окончании гимназии в Дерпте, в 1833 г. поступил в Петербургский университет, но завершил образование в университетах Берлина и Бонна. Доктор философии, блестящий знаток санскрита, Бётлингк в 1842 г. приглашается адъюнктом по санскритскому языку в Императорскую АН. После 16 лет пребывания в Петербурге (с 1842 по 1868), он покидает северную столицу и живет до конца дней своих в Германии, оставаясь ординарным (до июня 1894 г.), а затем — почётным академиком. Скончался Бётлингк 1 апреля 1904 г. в Лейпциге.

О научном наследстве учёного стоит сказать словами академика Сергея Фёдоровича Ольденбурга (1863—1934). "С именем Бётлингка неразрывно связана память о так называемом "Петербургском Словаре", т.е. о санскритско-немецком словаре, вышедшем в двух изданиях: "Большом" и "Малом". Этот словарь имел решающее значение в истории индийской филологии, которая в значительной степени ему обязана своими быстрыми успехами"². И далее. Хотя список опубликованных работ О.Н. Бётлингка превышает 160 названий, С.Ф. Ольденбург считает Бётлингка "человеком одной книги", благодаря этой одной книге он и занял то исключительное положение среди санскристов, которое останется за ним навсегда³.

В биографическом очерке о Бётлингке С.Ф. Ольденбург считал необходимым обратить внимание ещё на одну область исследований старшего коллеги, "чрезвычайно далекой от индийской филологии" — на его работы о языке якутов. Современные

¹ Уставы Академии наук СССР. М., 1975, с.34-35.

² Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Часть первая. Петроград, 1915, с.53.

³ Там же.

исследователи высоко ценят также труды О.Н. Бётлигга по тюркологии.

Надо заметить, что подавляющее число публикаций уроженца Петербурга О.Н. Бётлингга вышло на немецком языке.

Совершенно своеобразно, можно сказать, уникально сложилась жизнь члена-корреспондента Академии наук отца Иоакимфа, в миру, как писали в прошлом, Никиты Яковлевича Бичурина [29.VIII. (9.IX). 1777—11(23). V.1853]. Сын священника, он учится последовательно в Казанской духовной семинарии и академии. В 1802 г. принимает монашество. После нескольких лет преподавания в духовных семинариях он отправляется в Китай в качестве главы (начальником) пекинской духовной миссии. Пребывание в Китае в течение долгих четырнадцати лет содействовало не только прекрасному знанию китайского языка, но и китайских источников по истории и географии Китая и смежных с ним районов. Его переводы, книги по истории древней, средневековой и новой истории Китая, труды по Монголии, Тибету, а позже по истории народов Средней Азии выдвинули Н.Я. Бичурину в первый ряд китаеведов России и Европы. Признание его вклада в науку отмечено избранием Никиты Яковлевича Бичурина в 1828 году членом-корреспондентом Академии наук, членом французского Азиатского общества (1831 г.) и трижды академическими Демидовскими премиями. Н.Я. Бичурин тяготился духовным саном, но избавиться от него ему так и не удалось. Николай I отклонил прошение монаха Иоакимфа о снятии сана. В своих поездках, уже после возвращения из Валаама, в Забайкалье (1830 г.) Бичурин познакомился и сдружился там, как пишут исследователи, с ссыльными декабристами. Добрые отношения сложились у Н.Я. Бичурина с А.С. Пушкиным, проявившим большой интерес к историческим трудам учёного. Во вторую поездку в Забайкалье Н.Я. Бичурин организовал в Кяхте в мае 1835 г. училище китайского языка. Призванное к жизни торговыми интересами и поддерживаемое местным купе-

чеством, Кяхтинское училище предназначалось для обучения современному китайскому языку. Так, в далекой от столиц пограничной Кяхте создается первое в стране специальное училище китайского языка.

Современные исследователи истории синологии неоднозначно оценивают научное наследство Н.Я. Бичурина, но согласны в том, что последний закрепил приоритет русской науки в ряде направлений китаистики и монголоведения.

В 1842 г. на посту директора Азиатского музея заболевшего Х.Д. Френа сменил академик Борис Андреевич (Иоганн Альбрехт Бернгард) Дорн. К этому времени завершился первый, организационный период истории Азиатского музея и определилась его структура:

- I отделение — Книги или собственно библиотека.
- II " — " — Восточные рукописи, а также китайские, японские и другие ксилографы.
- III " — " — Рукописные сочинения и статьи на европейских языках, надписи, планы и т.п.
- IV " — " — Минцкабинет
- V " — " — Древности, талисманы, печати и другие достопримечательности и редкости.

Азиатскому музею он (Дорн — А.Б.) посвятил много труда и кропотливой повседневной работы. "Однако при нём Музей перестал играть роль организующего центра и вернул ее только после Октябрьской революции"¹.

Этот резкий вывод известного арабиста и историка востоковедения акад. И.Ю. Крачковского нуждается в объяснении. Дело не в новом руководстве Азиатского музея, а в тех новых требованиях, которые поставила политика перед наукой, и в частности, перед востоковедением. Правящие круги Российской империи предъявляли все новые, большие требования к подготовке чиновников, переводчиков для своей администрации на

¹ И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. V, с. 87.

Кавказе, в Крыму, Казахстане, Сибири и для различных миссий в зарубежных странах Востока. С этой целью в конце 40-х годов правительств проводит реорганизацию в Москве Лазаревского института восточных языков, пытаясь подчинить его деятельность задачам Кавказского комитета¹, а в Петербургском университете в 1855 г. создает факультет восточных языков. "С учреждением факультета было связано прекращение преподавания восточных языков в Казани и Одессе и передача факультету, без всякого вознаграждения, всех учебных пособий по востоковедению (рукописей, книг, монет и т.п.)..."².

Новый факультет сразу привлёк большое число востоковедов — как петербургских, так и казанских. Первым деканом факультета был энергичный, прекрасно владевший рядом восточных и европейских языков профессор А.А. Казембек (в Петербург он был переведён из Казани раньше, в 1849 г.), который, по мнению В.В. Бартольда и согласного с ним И.Ю. Крачковского, выдвигал на первый план задачи чисто практического усвоения языка и не придавал большого значения научно-филологической подготовке. "Торжество открытия факультета состоялось 27 августа 1855 г. в 12 часов дня, в тот же день и час, когда начался штурм Севастополя, надолго остановивший то «высокое участие России в судьбах Востока», на которое ссылался доклад 8 февраля 1854 г."³, — иронически замечает В.В. Бартольд⁴.

С созданием нового факультета произошло организационное разделение. Учебное дело, подготовка пособий, подготовка специалистов, защита диссертаций и пр. сосредоточиваются в университете, а Музей в большей степени, чем раньше, становится

¹ Кавказский комитет — особый межведомственный орган, созданный в 1840 г. царским правительством для разрешения административных и политических вопросов, связанных с включением Кавказа в состав Российской империи. В дальнейшем приобрёл характер постоянного органа. Просуществовал до 1882 г.

² В.В. Бартольд. Материалы для истории факультета восточных языков. Том четвёртый. СПб, 1909, с.94.

³ Речь идёт о докладе министра народного просвещения А.С.Норова Николаю I.

⁴ В.В. Бартольд. Материалы для истории... Том четвёртый. СПб., 1909, с.97.

ся хранилищем восточных рукописей, книг, материалов и местом не только коллекционирования, но и каталогизации, систематизации, описания, обработки материалов на восточных языках. Библиотека же Музея, став крупнейшим собранием, имела значительное и все увеличивавшееся число исследователей.

Авторы работ по истории Академии наук утверждают, что "в середине XIX века по востоковедению с успехом продолжал работать возглавлявший музей академик Б.А. Дорн"¹.

Борис Андреевич (Иоганн Альбрехт Бернгард) Дорн [29.IV. (11.V).1805 — 19(31).V.1881] родился в Шейерфельде (герцогство Саксен-Кобургское). Высшее образование получил в университетах Галле и Лейпцига (1822—1825). До переезда в Петербург преподавал арабский и персидский языки в Харьковском университете (1829—1835).

Как большинство европейских учёных того времени, он владел несколькими восточными языками, в частности еврейским, санскритом, тюркскими и эфиопским.

Особо следует сказать о его новаторском вкладе в афганистику и изучение иранских диалектов южного побережья Каспия. "Педагогическая деятельность Дорна и его труды, заложившие основу научной грамматики афганского языка, утвердили приоритет отечественной науки в области афганского языкознания и принесли ему мировую известность..."².

В северной столице Б.А. Дорн в разные годы работал в Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента МИД (с 1835 г.), где он читал курс лекций по истории и географии Востока, факультете восточных языков Петербургского университета и Азиатском музее. Почти сорок лет, с 1842 по день кончины в 1881 году, Б.А. Дорн возглавлял Азиатский музей. Если Х.Д. Френу выпал жребий приводить в порядок

¹ Г.А. Князев и А.В. Кольцов. Краткий очерк истории Академии наук СССР, с.43.

² И.М. Оранский. Древнеиранская филология и иранское языкознание. — "Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР". М., 1972, с.306.

материалы Азиатского музея, отбирать, систематизировать, каталогизировать, описывать и изучать коллекции, находившиеся под рукой, Б.А. Дорн организовывал и принимал участие в экспедициях. Очень плодотворной была научная поездка в 1860—61 гг. по Кавказу и южному побережью Каспия. Экспедиция, в которой принимал участие и один из учеников Б.А. Дорна Г.В. Мельгунов, собрала значительный материал по диалектам персидского языка — гилянскому, мазандеранскому, татскому, талышскому. Ещё академик Х.Д. Френ составил и издал в 1834 г. список наиболее ценных рукописей, приобретение которых он считал весьма желательным. Что касается преемника первого директора, он составил инструкцию, которой снабжали различные миссии, отправляющиеся в страны Востока. У Х.Д. Френа не было возможностей для научных поездок и он остался кабинетным учёным; Б.А. Дорн и все последующие руководители Азиатского музея сочетали кабинетную работу с экспедиционной. Мы можем говорить, что в середине XIX в. и в последующие десятилетия как метод работы востоковеды широко использовали экспедиции, во время которых изучали языки малых народностей, населявших Россию¹.

Но по-прежнему штат сотрудников Азиатского музея был чрезвычайно мал. Помимо Б.А.Дорна в Музее работал О.Э. Лемм — крупный учёный в области коптологии.

Фактически Азиатский музей, став крупнейшим собранием манускриптов и одной из самых значительных библиотек, наряду с восточным факультетом Петербургского университета оставался научным центром востоковедных исследований, привлекая к себе ориенталистов не только Петербурга, Москвы, но и зарубежных. О.Н. Бётлингк, М.И. Броссе, В.П. Васильев, В.В. Вельяминов-Зернов, Н.И. Веселовский, В.В. Григорьев, К.П. Патканов, П.К. Услар, Г.Ф. Церетели и многие другие пользовались для своих научных трудов коллекциями и библиотекой

¹ Там же.

Азиатского музея, подготовили исследования памятников этого хранилища.

Востоковеды Москвы, в частности профессор Л.Э. Лазарев, профессор (позже академик) В.Ф. Миллер обращались к материалу Азиатского музея. Из Казани, Тифлиса и др. городов шли просьбы о присылке рукописей, книг редких изданий.

В то же время Азиатский музей служил и местом работы над рукописями других хранилищ, поскольку обмен совершался через музей. Азиатский музей был связан с крупнейшими востоковедными научными центрами Европы. Ученые Англии, Бельгии, Германии, Италии, Швейцарии пользовались рукописями, безотказно присылаемыми Азиатским музеем. Это свидетельствует как о стремлении учёных Академии наук укреплять международные научные связи, так и высокой ценности рукописей Азиатского музея, многие из которых были уникальными.

Труды востоковедов России получили европейскую известность.

Петербург и Москва давно заслужили славу востоковедных центров. Как признание вклада русских учёных в востоковедение следует рассматривать проведение именно в столице России III Международного конгресса ориенталистов в 1876 г.

Традиция конгрессов восходит к семидесятым годам прошлого столетия. В 1873 г. в Париже состоялся первый конгресс, на котором было решено созывать подобные съезды систематически каждый год. На Парижском конгрессе были выработаны и основные организационные принципы созыва и проведения следующих конгрессов. Второй конгресс, состоявшийся в 1874 г. в Лондоне, принял решение провести очередной Международный конгресс востоковедов в 1875 г. — в Петербурге.

Исполнительный комитет Лондонского съезда возложил подготовку конгресса на четырех российских востоковедов, присутствовавших на II конгрессе, — на декана факультета восточных языков и профессора истории Востока Петербургского уни-

верситета В.В. Григорьева, на профессоров К.П. Патканова, Д.А. Хвольсона (делегатов Лондонского конгресса от Петербургского университета), а также на А.Л. Куна. Президентом будущего съезда был избран граф И.И. Воронцов-Дашков, который, однако, ничем не помог организационному комитету и даже затруднил положение, отказавшись впоследствии от обязанностей президента. Итак, основная работа по подготовке съезда пала на профессора В.В. Григорьева и его коллег. В состав организационного комитета были дополнительно включены академики В.В. Вельяминов-Зернов и Б.А. Дорн, а также В.Ф. Гиргас, П.И. Лерх, Ф.Р. Остен-Сакен, В.Р. Розен.

Организационный комитет выработал программу предстоящего съезда. Он выдвинул на первый план вопросы изучения Азиатской части Российской империи, предусмотрев организацию на конгрессе четырех специальных секций (отделов): Западная и Восточная Сибирь; Средняя Азия; Кавказ, Подкавказье и Крым; Закавказье¹.

Страны зарубежного Востока — Китай, Япония, Монголия, Тибет, Персия, Турция и Аравия — были сгруппированы в три отдела. Предметом докладов в каждом из названных семи отделов могли быть вопросы картографии, лингвистики, этнографии, истории и литературы. Помимо этого предполагалось создать особые секции конгресса: по археологии и нумизматике (VIII отдел), религиозным и философским учениям Востока (IX отдел). Решено было также подготовить к открытию конгресса выставку и издать историко-библиографическое обозрение работ по Востоку, подготовленных в России. Однако написать такое обозрение означало фактически подвести итоги всей востоковедной работы в России за прошлые десятилетия. В связи с большой трудоёмкостью этой работы организационный комитет решил перенести созыв III конгресса с 1875 г. на середи-

¹ См. "Труды третьего международного съезда ориенталистов", т.1. СПб., 1879—1880, с.IV (далее — "Труды...").

ну 1876 г. Для подготовки обозрения были привлечены известные востоковеды — М.И. Венюков, В.В. Григорьев, К.П. Патканов, В.Р. Розен, К.С. Старицкий, А.А. Цагарели и другие.

Подготовка к конгрессу вызвала значительный интерес русской интеллигенции, внесла оживление в отечественное востоковедение. В Тифлисе и Ташкенте были созданы комитеты содействия конгрессу. Во многих городах собирались различные материалы, в основном по этнографии восточных народов России. Завязалась оживленная переписка между оргкомитетом и востоковедами, в том числе и зарубежными. Среди 24 официальных корреспондентов Оргкомитета были профессор Лондонского университета Р. Дуглас, директор Парижского института живых восточных языков Ш. Шефер, профессор Будапештского университета Г. Вамбери.

До открытия конгресса Комитет опубликовал на русском и французском языках (по уставу французский считался официальным языком конгресса) и разослал своим корреспондентам (а те должны были сообщить через прессу соответствующим обществам и учреждениям своей страны) перечень вопросов, т.е. фактически программу предстоящего съезда востоковедов: 38 вопросов, охватывающих различные проблемы востоковедения. Приведём несколько характерных пунктов этой программы, интересных с точки зрения того, что привлекало внимание европейского востоковедения начала последней четверти прошлого столетия:

"5. Где доказательство, что известные в Европе тюркские рукописи, написанные уйгурскими письменами, писаны, как принято думать, на языке уйгуров, тогда как в период, к которому рукописи принадлежат, уйгурское письмо было в употреблении и у других народов?"¹.

"7. Что вам известно о согдийских письменах? На каких памятниках сохранились они?...

¹ "Труды...", с.XXXVII.

9. Какими причинами может быть объяснена неподвижность новоперсидского языка, не претерпевшего с X-го столетия (а по всей вероятности и ранее) до сих пор почти никаких изменений в своих грамматических формах?...

15. Какие именно обстоятельства прекратили вдруг, в начале XI века, торговлю между мусульманским Востоком и северной Европой, торговлю, процветавшую постоянно в течение VII—X столетий?...

23. Откуда мог заимствовать эль-Бируни сведения свои о "Варяжском море", о котором упоминает он первый из арабских писателей?"¹.

Конгресс открылся 20 августа 1876 г. в актовом зале Петербургского университета. Президентом съезда был избран В.В. Григорьев, генеральным секретарем — Ф.Р. Остен-Сакен, помощником генерального секретаря — В.Р. Розен. Работой отделов (секций) руководили Ш. Шефер, В. Васильев, К. Патканов, Ж. Опперт, Р. Дуглас и др.

К началу работы конгресса было приурочено открытие выставки, на которой широко были представлены Сибирь, Средняя Азия, Закавказье. Ш. Шефер привез на выставку собрание старинных произведений мусульманского искусства Передней Азии. Публичная библиотека устроила особую выставку своих многочисленных восточных рукописей. Академия наук предоставила свободный доступ во все музеи. Для участников конгресса были открыты и некоторые частные коллекции. Делегаты конгресса проявляли очень большой интерес к выставкам и коллекциям. Для их осмотра были выделены специальные дни, когда не было заседаний.

Таким образом, III Международный конгресс явился одновременно первым российским съездом востоковедов, который подвел итог большого периода в истории востоковедения. Конгресс показал, что отечественное востоковедение стояло вполне

¹ "Труды...", с. XXXVIII, XXXIX, XL.

на уровне достижений западноевропейской науки, а по вопросам изучения Средней Азии и Кавказа явно ее опережало.

До революции 1917 г. среди периодических изданий Академии наук не было специального органа по востоковедению и материалы востоковедной литературы обычно печатали в "Записках Археологического общества". Само Археологическое общество возникло в России в 1846 г., и бывший директор Азиатского музея акад. Х.Д. Френ являлся почётным членом его. Вообще между Археологическим обществом и Азиатским музеем поддерживались тесные связи и даже проводились совместные заседания, посвященные вопросам археологии. Труды Х.Д. Френа и других востоковедов печатались, в частности, в "Memoires de L'Academie", "Bulletin de L'Academie..." (начал выходить с 1837 г.). Статьи из "Bulletin..." перепечатывались без каких-либо изменений в журнале "Melanges asiatiques", выходившем с 1849 г. В 1896 г. "Bulletin..." был переименован в "Известия Академии наук". С 1855 г. наладилось издание "Трудов Восточного отделения Археологического общества", и, естественно, материалы Азиатского музея получили отражение в различных их выпусках.

В середине 80-х годов один из крупнейших востоковедов России и бывший директор Азиатского музея, В.Р. Розен, возглавил издание "Записок Восточного отделения Русского археологического общества". К сожалению, В.Р. Розен менее года занимал пост директора Азиатского музея.

Виктор Романович Розен (21 февраля 1849 — 10 января 1908) родился в Ревеле (Таллинн). По окончании местной гимназии он осенью 1866 г. поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, который и окончил в 1870 г. с золотой медалью за сочинение "Полная оценка Шахнамэ". Но не персидская литература стала основным предметом его научных интересов и исследований, а арабская словесность. После возвращения из Германии в 1872 г., где В.Р. Розен совершенствовал свои познания в арабском, он защитил диссертацию на степень

магистра на тему "Древнеарабская поэзия и её критика". С 1872 г. по день кончины педагогическая деятельность видного учёного и профессора была связана с Петербургским университетом.

"... в 1879 году, 16 февраля, Академия наук избрала барона Розена в звание адъюнкта, но через три года, 8 марта 1882 г., — по одному принципиальному поводу, — как пишет его биограф, — он вышел из состава Академии"¹. Обращает на себя внимание дата выхода из Академии — 8 марта 1882 г. В.Р. Розен был назначен директором Азиатского музея 19 мая 1881 г. и пробыл на этом посту до 8 марта 1882 г., до дня выхода из состава АН. Теперь о причине выхода, который в цитируемом ранее тексте закамouflирован словами: "по одному принципиальному поводу". Группа учёных, в числе которых был А.М. Бутлеров, предложила в 1880 г. избрать создателя периодического закона химических элементов, Д.И. Менделеева, в экстраординарные академики. Однако при голосовании знаменитый учёный не получил большинства голосов. Эта вопиющая несправедливость вызвала протест учёных, научных объединений и передовых кругов общества и показала необходимость пересмотра сложившихся в АН порядков. "... 10 академиков — Я.К. Грот, Ф.В. Овсянников, М.И. Сухомлинов, А.М. Бутлеров, А.Ф. Бычков, В.П. Безобразов, А.Н. Веселовский, А.С. Фаминцин, И.В. Ягич и В.Р. Розен — подали в феврале 1881 г. на рассмотрение Общего собрания записку"² с требованием определенных изменений процедуры голосования и укрепления авторитета Общего собрания Академии. ..."подача этой записки и привела к выводу В.Р. Розена из Академии"³.

В конце XIX — начале XX в. наука в России развивалась в неблагоприятных условиях. Правительство проводило реакци-

¹ Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Часть вторая. Петроград, 1917, с.136.

² Г.Д. Комков, Б.В. Левшин, Л.К. Семенов. Академия наук СССР. Т.1, с.263.

³ Там же. (Через несколько лет, 1 декабря 1890 г., В.Р.Розен вновь избирается экстраординарным, а 20 января 1901 г. — ординарным академиком).

онную политику в вопросах просвещения, культуры, преследовало передовых учёных страны. Весьма символично, что во главе Академии наук, её президентом, утверждается 25 апреля 1882 г. Д.А. Толстой (он же министр внутренних дел с 30 мая того же года). Графа Д.А. Толстого сменил в 1889 г. великий князь Константин Романов, человек весьма далекий от науки. Пренебрежительное отношение к науке выразилось, в частности, в том, что директором Азиатского музея назначили в 1882 г. академика Фердинанда Ивановича (Фердинанд Иоганн) Видемана, специалиста по финским языкам. По-прежнему штат Музея состоял из двух человек: директора и хранителя. Только в 1887 г., уже при директорстве Василия Васильевича Радлова (1837—1918) был принят сверхштатно третий сотрудник — С.У. Винер, "для описания знаменитой коллекции еврейских рукописей и книг"¹.

Ф.И. Видемана сменил на посту директора Азиатского музея Василий Васильевич (Фридрих-Вильгельм) Радлов. Он родился в Берлине, там же окончил гимназию; получил высшее образование в германских университетах и в 1858 г. получил степень доктора философии Йенского университета. Еще на студенческой скамье В.В. Радлов увлекался восточными языками и посвящал себя их изучению. Летом 1858 г. молодой учёный, ему исполнилось 21 год, едет в Петербург и в течение 60 лет, до конца своей жизни, работает в России. Готовясь к исследовательской работе на "русском Востоке", В.В. Радлов ещё в Германии стал изучать русский язык. "Около года Радлов прожил в Петербурге, зарабатывая средства к жизни уроками языков, а досуги посвящал научным занятиям, преимущественно по маньчжурскому языку в Азиатском музее Академии наук. За этот год он успел настолько усовершенствоваться в русском языке, что успешно сдал при Университете экзамен на звание учителя гимназии"². Учитель в

¹ И.Ю.Крачковский. Избранные сочинения. Т.1, с.61.

² Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Часть вторая, с.122.

Барнауле (с 1859 по 1871 г.), "инспектор татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа" (с 1872 по 1884 г.), В.В. Радлов все эти годы собирал материалы, изучал языки, фольклор, этнографию народов огромного региона от Поволжья до границ Китая и Монголии, производил раскопки. К моменту его избрания в 1884 г. ординарным академиком по истории и древностям азиатских народов, В.В. Радлов был широко известным учёным. Избрание академиком дало возможность В.В. Радлову полностью посвятить себя научной деятельности.

Видный историк науки Андрей Николаевич Кононов считает "Опыт словаря тюркских наречий" В.В. Радлова "крупнейшим, не имевшим precedентов научным предприятием, составившим эпоху в тюркологии и поныне ничем не заменённым"¹.

Как учёный добрых слов заслужил у современников и следующих поколений иранистов Карл Германович Залеман — директор Азиатского музея с января 1890 г. по 30 ноября 1916 г. Он родился в Ревеле (Таллинн) и после окончания местной немецкой средней школы² поступил на восточный факультет Петербургского университета, где окончил в 1871 г. курс кандидатом по двум разрядам — арабско-персидско-турецкому и санскритско-армянскому. Мы опустим его педагогическую деятельность в Петербургском университете; поскольку наша задача иная. С января 1890 г. и более четверти века, до 30 ноября 1916 г., К.Г. Залеман возглавлял Азиатский музей. Его биографы отмечают, что деятельность К.Г. Залемана как директора была направлена, в первую очередь, на пополнение коллекции рукописей, расширение фондов библиотеки, информирование научной общественности о новых поступлениях.

"... им организовывались специальные экспедиции за руко-

¹ Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, с.242.

² Как пишет А.Г. Периханян, в Ревеле К.Г. Залеман учился в той же школе, где "классом старше учился В.Р. Розен, с которым Залемана связала тесная дружба, продолжавшаяся в течение всей жизни". ("Очерки по истории русского востоковедения". Сб. 4. М., 1959, с.79).

писями и печатными изданиями, главным образом в Среднюю Азию, а также в Иран. Так, в Тегеране Л.Ф. Богданов, ученик Залемана, приобрёл по его заданию для Азиатского музея 222 рукописи, а другой его ученик В.А. Иванов покупал рукописи и старинные издания в Средней Азии; одних только мусульманских рукописей было закуплено около тысячи... Немало рукописей было привезено самим Залеманом из его второй поездки в Туркестан; именно он явился создателем еврейско-персидской коллекции Азиатского музея и соответствующего отдела еврейско-персидских рукописей"¹.

К.Г. Залеман поддерживал тесную связь с зарубежными библиотеками и издателями. Здесь у него был большой опыт. Ведь первой должностью, которую он занимал в Петербургском университете, была — помощника библиотекаря. Рукописи, печатное слово, а отсюда и библиотека были предметом его особых личных и должностных забот. Одновременно с должностью директора Азиатского музея он занимал должность и директора II Отделения (гуманитарные науки) Библиотеки Академии наук. "Благодаря огромному труду Залемана и его учеников А.Р. Крейсберга и М.И. Кудряшева библиотека занимала исключительное место среди столичных библиотек по состоянию своих каталогов и удобству пользования"².

Академик С.Ф. Ольденбург отметил эту область деятельности директора Азиатского музея специальной статьёй — К.Г. Залеман как библиотекарь.

За период директорства Залемана годовой бюджет Азиатского музея увеличился вдесятеро³. Это, конечно, весьма важное достижение. Но, к сожалению, и новый бюджет не мог обеспечить условий для обеспечения нормальной жизнедеятельности

¹ Цит. по: А.Г. Периханян. Карл Германович Залеман. — "Очерки по истории русского востоковедения", с.104—105.

² Там же, с.106.

³ Д.И.Тихонов. Из истории Азиатского музея. — "Очерки по истории русского востоковедения". Сб.2. М., 1956.

Азиатского музея. Даже через 90 лет после создания Азиатского музея штатное расписание его в 1912 г. предусматривало директора и трёх научных хранителей.

В связи с мировой войной расстроились международные связи Азиатского музея, уменьшилось число экспедиций. Что касается новых приобретений, то они поступали в значительном количестве с южного и юго-западного театров военных действий. На Кавказский фронт, как известно, выезжали востоковеды Н.Я. Марр и И.А. Орбели.

30 ноября 1916 г. умирает К.Г. Залеман и его преемником на посту директора становится академик, Непременный секретарь Академии наук Сергей Фёдорович Ольденбург. Он принял Азиатский музей накануне великих событий, исторических революционных перемен. Что же представлял собой Азиатский музей к концу своего почти векового существования?

Азиатский музей перестал быть только музеем. Это был востоковедный центр с замечательными коллекциями рукописей на 45 языках Востока, среди которых имелось немало уникальных, прекрасной востоковедной библиотекой.

Пополнение рукописного и книжного фондов Азиатского музея шло различными путями, но долгое время, примерно до конца XIX столетия, носило довольно случайный характер.

После смерти грузинского царевича, почётного академика Теймураза Багратиони, в Музей поступила большая и ценная библиотека грузинских книг и рукописей. В 1864 г. из Азиатского департамента МИД была передана коллекция рукописей и книг китайских, маньчжурских, монгольских, тибетских, санскритских, калмыцких. Всего — 1096. В 1892 г. крупный библиофил Л.Ф. Фридланд передал богатейшее собрание — 13 тыс. еврейских книг и 300 рукописей¹. Прекрасная китайская коллекция была собрана при содействии русской духовной миссии в Пекине, среди членов которой были крупные учёные.

¹ Архив АН, ф.152, оп.1, д.54, л.30.

Академия пыталась внести научное начало в собирание литературы, рассылая в русские дипломатические миссии на Востоке списки книг и рукописей, желательных для приобретения. Большое значение для пополнения фондов имели проводимые Академией совместно с Географическим и Археологическим обществами, Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии специальные научные экспедиции, руководителями которых были учёные-востоковеды. Нельзя не отметить и такой источник пополнения фондов, как дары учёных и ориенталистов-любителей, обмен публикациями с другими центрами. Особо следует сказать о большой и чрезвычайной работе учёных в годы первой мировой войны. Академия снарядила несколько экспедиций в зоны военных действий для спасения или предотвращения порчи памятников культуры. Азиатский музей, как писал его директор С.Ф. Ольденбург, дал "приют остаткам погибающих в военной грозе памятников письменности"¹.

В конечном итоге к столетию со дня своего основания Музей представлял собой, по определению академика С.Ф. Ольденбурга, "одно из богатейших в мире собраний памятников восточной письменности", а арабоязычная рукописная коллекция "представляет не только относительное значение, занимая первое место в России, но и абсолютное, достойно выдерживая сравнение с наиболее известными книгохранилищами запада"².

В Отделе восточных рукописей и книг, напечатанных на Востоке, были представлены тексты памятников, переводы, толкования и исследования по вопросам культуры стран и народов от Магриба и Египта на Западе до Китая и Японии на Востоке, с древнейших времени до начала XX столетия.

Другой отдел содержал 35 тыс. названий книг на европейских языках, 500 названий периодических изданий и серий, "среди них большое количество многотомных, некоторые, содержащие

¹ Азиатский музей Российской Академии Наук. 1818-1918, СПб., 1920, с.10.

² Там же, с.8.

сотни томов"¹. Примерно такое же количество названий составляли газеты, журналы и серии на арабском, армянском, грузинском, калмыцком, китайском, корейском, монгольском, новосирийском, персидском, татарском и японском языках. "Общее число научных книг на европейских только языках скорее превышает, чем не достигает 70.000"².

Большую ценность представлял Азиатский архив Музея, куда вошли бумаги, неизданные материалы, черновые варианты, переписка "длинного ряда русских востоковедов, начиная с первого из них Байера"³. По авторитетному мнению Ольденбурга, "для плановости научной работы тщательное изучение истории и методов каждой дисциплины, изучать которые надлежащим образом можно лишь знакомясь с интимною стороною работы учёных..."⁴.

Архивы подавляющего числа петербургских и петроградских востоковедов составили фонд Азиатского архива (ныне Архив востоковедов). Архив учёных способствовал изучению истории становления и развития востоковедения, методики работы ориенталистов разных поколений и научных направлений. Таким образом, архивный фонд имел не только историко-познавательное, музейное значение, что и само по себе значительно, но и большое научное, воссоздавая лабораторию учёного, его сомнения и искания, варианты, находки, исследовательские приемы. Этот фонд имеет важное значение, особенно для истории отечественного востоковедения.

Итак, за сто лет своего существования Азиатский музей собрал колоссальные, мирового значения материалы, значительная часть которых была систематизирована, описана и внесена в каталоги.

Собирание рукописных, нумизматических и книжных бо-

¹ Азиатский музей Российской Академии Наук. 1818-1918, с.2.

² Там же.

³ Там же, с.6.

⁴ Там же.

гатств народов Востока, экспонирование их, систематизация, изучение и публикация способствовали пропаганде культуры восточных народов и ее вклада в мировую цивилизацию.

Азиатский музей был читальней, рабочим кабинетом исследователей из различных других научных учреждений и учебных заведений. Через Азиатский музей, как правило, учёные выписывали нужные материалы во временное пользование из библиотек и хранилищ других стран.

В Азиатском музее работали в штате в разное время выдающиеся востоковеды, начиная с академика Х.Д. Френа, с именем которого, наряду с другими именами, связано становление российской школы востоковедения. Большая плеяда учёных — В.М. Алексеев, В.В. Бартольд, О.Н. Бётлингк, Н.Я. Бичурин, М.И. Броссе, Б.Я. Владимирцов, Б.А. Дорн, К.Г. Залеман, П.К. Коковцев, И.Ю. Крачковский, С.Ф. Ольденбург, И.А. Орбели, В.В. Радлов, В.Р. Розен, П.С. Савельев, В.Г. Тизенгаузен и многие другие — подготовила значительные труды, используя коллекции и материалы Азиатского музея.

Учёные Академии наук, Петербургского, Московского и Казанского университетов, Лазаревского института восточных языков создали ряд научных направлений — алтаистика, афганистика, кавказоведение, монголистика, тюркология, осетиноведение, иранская диалектология — закрепив приоритет в этих отраслях науки за отечественной ориенталистикой.

Отечественная востоковедная наука была создана совокупным трудом нескольких поколений учёных; значительный вклад в ее становление и развитие внесли представители Востока и Запада России, а также некоторые учёные из Западной Европы, для которых Россия стала родиной.

Отечественная востоковедная наука разработала методику изучения памятников литературы и культуры, внесла весомый вклад в сравнительное языкознание, обогатив это научное направление материалами языков народов Востока.

Накануне революции Азиатский музей был богатейшим хранилищем рукописей, ксилографов, книг, газет; это было учреждение, где занимались описанием рукописей, их систематизацией, каталогизацией книг, ксилографов, рукописей. К этой работе привлекались помимо штатных сотрудников и другие первоклассные специалисты; это была библиотека, где учёные вели исследовательскую работу; это был музей с экспозицией, знакомившей посетителей с богатой коллекцией фондов; это было научное учреждение, сотрудники которого были высокоодарёнными исследователями, авторами работ, приумножившими славу российской востоковедной науки.

Вместе с тем, накануне 1917 года в Азиатском музее работало всего семь сотрудников, считая вместе с одним прикомандированным.

7 декабря 1917 г. Непременный секретарь Российской Академии наук Сергей Фёдорович Ольденбург назначается директором Азиатского музея. В разгар революции, в бурные годы истории нашей страны Азиатский музей возглавил крупный учёный, признанный авторитет в востоковедных знаниях, блестящий организатор науки.

Прогрессивная общественность России задолго до революции сознавала необходимость реорганизации системы народного образования, высшей школы и академических учреждений страны. Как справедливо писал ещё в 1915 г. академик В.В. Бартольд, "молодое русское востоковедение, горячо желавшее работать на пользу родной страны, встречало или отпор, или такое сочувствие, от которого ещё больше опускались руки"¹.

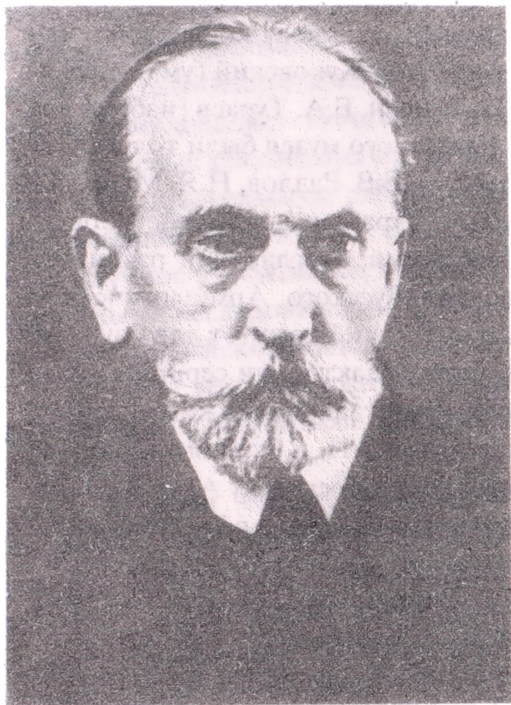
Статус академика Российской Академии наук не требовал жёсткой штатной "прописки" учёного в академическом учреждении. Он должен был оправдывать свое звание научными трудами по избранной специальности. На ноябрь 1917 г. в составе Академии были востоковеды — академики В.В. Бартольд, П.К. Ко-

¹ В. Бартольд. Восток и русская наука. — "Русская мысль", № 8, 1915, с.10.

ковцев, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, В.В. Радлов (ум. в 1918 г.), Ф.И. Успенский (византинист); члены-корреспонденты: Н.И. Веселовский (ум. в 1918 г.), В.А. Жуковский (ум. в 1918 г.), О.Э. Лемм (ум. в 1918 г.), А.И. Томсон, Б.А. Тураев (избран академиком в 1918 г.). В штате Азиатского музея были только С.Ф. Ольденбург (с 1916 г.) и О.Э. Лемм. В.В. Радлов, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, В.А. Жуковский, Б.А. Тураев и другие востоковеды руководили научными экспедициями, возглавляли различные комиссии Восточного отделения Русского Археологического общества, Восточную комиссию, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, были редакторами серийных изданий. АН. Ориенталистика была представлена также в Нумизматическом и Этнографическом музее АН, в Русском археологическом институте в Константинополе. Поскольку Академия наук являлась "первенствующим учёным сословием в Российской империи"¹, то академики-востоковеды заслуженно пользовались большим авторитетом в науке. Восточный факультет Петербургского университета, деканом которого накануне революции был академик Н.Я.Марр, имел право экзаменов и присвоения учёной степени магистра, а также доктора по востоковедным дисциплинам, и юридически являлся наиболее важным из всех востоковедных заведений.

Поколение востоковедов в лице В.В. Бартольда, П.К. Ковцова, Н.Я. Марра, Н.М. Никольского, С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского, В.М. Алексеева, Б.Я. Владимирцова, Н.И. Конрада, И.Ю. Крачковского, И.А. Орбели, Д.М. Позднеева, В.В. Струве, И.Г. Франк-Каменецкого, А.А. Фреймана, чьи научные взгляды, круг интересов сложились до революции, занимались преимущественно проблемами истории культуры, филологических исследованиями текстов, изучением истории древнего и средневекового Востока. Исторической школы российской ориенталистика до 1917 г. создать не успела, а к иссле-

¹ Уставы Академии наук СССР. М., 1975, с.92.

Академик С.Ф. Ольденбург (1863—1934),
директор Азиатского музея (1916—1930),
директор ИВ АН СССР (1930—1934)

дованию проблем социально-экономического развития стран Востока практически ещё не приступила. Как указывал С.Ф. Ольденбург: "Оглядываясь на историю востоковедения, мы видим, что раньше оно занималось, главным образом, изучением надстроечных образований, почти совершенно оставляя в стороне экономику; историю оно изучало, главным образом, с точки зрения так называемой культуры или просто с точки зрения хронологии политических событий"¹.

Революция поставила перед интеллигенцией, перед учёными сложный и жизненно важный вопрос — об отношении к ней. Много лет спустя после событий 1917 г. академик В.А. Гордлевский напишет: "Нужно прямо сказать, что часть интеллигенции пошла навстречу новой власти, часть её саботировала, а часть выжидала"².

Академик С.Ф. Ольденбург (член кадетской партии, министр народного просвещения Временного правительства), он же Непременный секретарь Академии наук, профессор Петер-

¹ Вестник АН СССР. М., 1931, с.11.

² В.А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т.IV. М., 1968, с.470.

бургского университета и директор Азиатского музея, в своих воспоминаниях пишет, "что многим не ясен был сразу смысл величайших перемен в нашей жизни..."¹. Революция пришла раньше, чем этого ждали, можно говорить поэтому о каком-то промежутке времени, когда он был, если не растерян, то, по меньшей мере, плохо ориентирован. После революции С.Ф. Ольденбург трижды встречался с В.И. Лениным. Прямое отношение к вопросам востоковедения имела встреча, состоявшаяся в Смольном в конце ноября—декабря 1917 г. или в начале января 1918 г. Во время этой встречи В.И. Ленин подчёркивал, что востоковедение — наука, необходимая советскому государству. Он "высказал мысль, что совершенно необходимо, чтобы академики во всех своих работах стали бы ближе к жизни"².

Академик В.И. Вернадский, которому С.Ф. Ольденбург рассказал об этой беседе, указывает, что "В.И. Ленин произвел на Сергея огромное впечатление".

Требованием времени была организация высшей школы, в частности нового востоковедного вуза. Вопрос коренной реорганизации востоковедного образования, создания новых вузов в советских восточных республиках был одним из актуальнейших, он являлся составной частью национальной политики, государственного устройства, международных отношений, советской дипломатической службы. В условиях многонациональной страны, любое начинание в области просвещения, науки, народного образования приобретало острое политическое значение.

Востоковедение, оставаясь наукой по изучению Востока, становилось активным фактором политической и культурной жизни народов нашей страны.

К Октябрю 1917 г., как отмечалось выше, в стране функционировали два главных востоковедных центра. Петроград с фа-

¹ ЛО ААН, ф.208, оп.1, д.171, л.1.

² В. Бонч-Бруевич. В.И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917—1920). М., 1956, с.32.

культетом восточных языков Университета и Азиатским музеем Академии наук; Москва с Лазаревским институтом восточных языков и Университетом, где работала группа крупных специалистов-востоковедов широкого профиля. При этом Петроград отдавал предпочтение текстологии, изучению в историко-филологическом ракурсе памятников письменности древности и средневековья. Что касается Москвы, то здесь ограничивались преимущественно изучением языков, литературы, истории и культуры народов Ближнего и Среднего Востока.

Учёные ещё в начале века выступали с проектами и планами создания новых вузов на Кавказе и в Средней Азии. Так, в 1902 г. С.Ф. Ольденбург высказал мнение, что Ташкент мог бы явиться прекрасным центром деятельности русской высшей школы на Востоке. Планы реорганизации востоковедного образования в Москве начала готовить по поручению министерства просвещения Временного правительства (возможно, по инициативе министра С.Ф. Ольденбурга) комиссия под руководством декана факультета восточных языков академика Н.Я. Марра.

Востоковеды прекрасно понимали необходимость хорошего знания современности, что видно из "Записки группы русских востоковедов" по поводу проекта "Практической Восточной Академии", составленного министерством торговли и промышленности России. Академики В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, профессора Н.И. Веселовский, А.И. Иванов, Ф.И. Щербатской, приват-доценты В.О. Котвич, И.Ю. Крачковский, А.Д. Руднев резко критиковали проект. Они писали: "Составители проекта убеждены в несовместимости "теоретической школы востоковедения" с "практической школой языка". С этим можно согласиться, поскольку речь идет о возложении на научную школу узкопрактических (в государственной жизни - узковедомственных) задач и о стремлении быстрее достигнуть практических результатов в ущерб теоретической подготовке. В остальном расстояние между наукой и жизнью с развитием культуры не

увеличивается, а сокращается... Ученые историки и археологи знают, что для понимания прошлого страны необходимо знакомство с ее современной жизнью. Столь же известно, что при разрешении практических вопросов имеет преимущество тот, кто выступает во всеоружии знания"¹.

Дореволюционная академическая востоковедная наука не занималась вопросами экономики и политической экономии, хотя в уставе Академии наук стояли рядом "восточная словесность и древности; статистика и политическая экономия"². Академическая востоковедная наука создала сравнительно мало обобщающих исследований, которые давали бы единую, целостную картину развития той или иной востоковедной научной дисциплины.

После революции перед востоковедами открылись новые перспективы. ни имели возможность использовать свой опыт при создании алфавитов для бесписьменных народов России. Академическая комиссия, занимавшаяся изучением этнонационального состава населения России, была в какой-то степени подготовлена к работе, связанной с определением границ при проведении национально-государственного размежевания территорий Средней Азии, Кавказа и Закавказья, Сибири и Дальнего Востока. Знания востоковедов широко использовались также в новых исследовательских и педагогических востоковедных центрах, при организации высших учебных заведений в республиках Востока.

Вскоре после Февральской революции по инициативе академика С.Ф. Ольденбурга³ декану Восточного факультета Петроградского университета академику Н.Я. Марру было поручено

¹ О проекте "Практической Восточной Академии". (Записка группы русских востоковедов). Пг., 1916, с.14.

² Уставы Академии наук СССР. М., 197, с.93.

³ Вероятно, с С.Ф.Ольденбургом связано и назначение видного тюрколога, профессора Лазаревского института В.А. Гордлевского на пост попечителя Оренбургского учебного округа.

подготовить проект реорганизации Лазаревского института. Н.Я. Марр подготовил два документа: "К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков" и "Записку о преобразовании Специальных курсов Лазаревского института восточных языков в Этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института". Одновременно Н.Я. Марр предлагал "создать в Москве высшую школу теоретического востоковедения по Древнему Востоку учреждением на историко-филологическом факультете кафедр ассирийского языка с семитической филологией, египтологией и индийской филологии"¹.

Однако проект Н.Я. Марра не обеспечивал подготовку специалистов по современному Востоку и изучение живых восточных языков².

Научные сотрудники АН и профессора Петроградского университета, в первую очередь академики Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург, принимали активное и непосредственное участие в реорганизации системы востоковедного образования в стране. С ними консультировались при реорганизации востоковедных учреждений и создании новых вузов и музеев в Петрограде, Москве, Ташкенте, Баку и других центрах. Востоковеды АН обеспечили преподавание необходимых курсов в вузах Москвы, Баку, Ташкента, не говоря уже о Петрограде. В.В. Бартольд

¹ Н.Я. Марр. К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков. Отд. оттиск. Пг., 1918, с.125.

² Институт востоковедения имени Н.Н.Наримана. Справочник. М., 1926, с.6.

Как писал позже М.П. Павлович, "центром учебной и учёной деятельности востоковедного вуза должно быть изучение живого Востока"; что же касается живых восточных языков, то, по его мнению, - "изучение последних должно ... явиться лишь могучим средством к углубленному познанию живого Востока, к общению с последним" ("Правда", 21.XI.1925). Борьба мнений, полемика по актуальным вопросам востоковедной науки, вокруг реорганизации и создания учебных заведений, вокруг новых публикаций в двадцатые годы отличалась страстностью, иногда непримиримостью и, к сожалению, не обходилась иногда без излишней резкости.

принял активное участие в организации исследовательской работы в области истории в среднеазиатских республиках.

В августе 1921 г. при Петроградском университете был создан научно-исследовательский Институт сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока имени А.Н. Веселовского. В Восточную секцию этого института входили Н.Я. Марр (заместитель директора), В.М. Алексеев, А.П. Алявдин, В.В. Бартольд, В.Г. Богораз, Б.Я. Владимирцов, П.К. Коковцов, И.Ю. Крачковский, А.А. Фрейман¹.

Академик В.В. Бартольд (1869—1930)

В Петрограде был также создан Институт живых восточных языков. Учебные занятия в нем вели почти все живущие в городе востоковеды (С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, Ф.И. Щербатской, В.В. Бартольд и др.). Благодаря этому с самого начала в Институте изучались такие языки Востока как: турецкий, персидский, арабский, японский, узбекский, армянский, грузинский, а также санскрит и бенгальский. Кроме языков, велось преподавание

¹ Востоковедение в Петрограде. 1918—1922. Петроград, 1923, с.15.

Академик В.М. Алексеев (1881—1951)

географии, этнографии, истории и экономики стран Востока. 12 января 1921 г. был избран педагогический комитет Института. Его председателем и ректором Института стал В.Л. Котвич, членами стали Б.Я. Владимирцов, А.А. Фрейман, Г.Ф. Смыкалов, В.М. Алексеев¹.

Важными событиями в истории отечественного востоковедения был отмечен 1922 г.

В январе 1922 г. начинается активная деятельность Всероссийской научной ассоциации востоковедения² (декрет об организации ВНАВ был утверждён Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом 13 декабря 1921 г.).

В том же 1922 г. стали выходить два новых востоковедных журнала: "Новый Восток" — орган Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения и "Восток. Журнал литературы, науки и искусства" (издательство "Всемирная литература").

Редактором журнала "Новый Восток" был деятель россий-

² А.Н. Кононов, И.И. Иориш. Ленинградский восточный институт. М., 1977, с.24.

¹ После образования Союза ССР (1922 г.) — Научная Ассоциация востоковедения СССР при Президиуме ЦИК СССР.

ского революционного движения, востоковед, ректор Московского института востоковедения, руководитель ВНАВ Михаил Павлович Павлович (Михаил Лазаревич Вельтман). В составе редколлегии журнала "Восток" мы встречаем имена известных петроградских учёных — В.М. Алексеева, Б.Я. Владимирцова, И.Ю. Крачковского, С.Ф. Ольденбурга, А.Н. Тихонова.

Журналы разнились тематикой, хотя в "Новом Востоке" порой публиковались статьи учёных академической школы и отводилось много места таким событиям научной жизни, как, например, Первый Всероссийский съезд египтологов.

Вместе с тем, и на страницах журнала "Восток" появлялись статьи, посвященные событиям современным.

6 ноября 1922 г. на заседании Совета Института востоковедения в Москве выступил заместитель Наркома по делам национальностей Г.И. Бройдо с докладом "О положении с Институтом востоковедения и живых восточных языков". Доклад интересен, в частности, тем, что он показывает, какое значение придавал Наркомнац востоковедным вузам и, во-вторых, официальной характеристикой двух востоковедных школ. Коллегия Наркомнаца предложила (ссылаясь на финансовые соображения, а также необходимость централизации востоковедных сил), сократить один из востоковедных институтов. "Академизм, существующий в Петрограде, пустил слишком глубокие корни и, будучи сам по себе ценным, все же не отвечает современным заданиям", — указывал докладчик; вместе с тем, пояснял он, — "практический уклон, правильно взятый Москвою, часто, однако, принимал такие формы, которые противоречат самому существу дела и поставленным Советской Россией заданиям"¹. Коллегия предлагала, чтобы работа шла путём сочетания петроградского академизма и московского практицизма за вычетом крайностей. Однако советское правительство сохранило и петроградский и московский институты.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 64, лл. 54—56.

Востоковеды В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Самойлович, В.А. Гордлевский и многие другие принимали деятельное участие в подготовке реформы письменности тюркских народов и создании алфавитов для бесписьменных народов.

В созданном по инициативе Максима Горького в годы гражданской войны издательстве "Всемирная литература" был организован отдел "Литература Востока". О его задачах в "Каталоге издательства "Всемирная литература" говорилось: "делается впервые попытка при помощи русских востоковедов приобщить в сознании русского читателя памятники Востока к мировой литературе, соединив их с памятниками Запада. Русские востоковеды охотно откликнулись на призыв передать понятную русскую речью замечательные и характерные произведения восточных писателей"¹. В редакционную коллегию экспертов Восточного Отдела вошли В.М. Алексеев, И.Ю. Крачковский, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург. Редакторами, переводчиками, авторами предисловий и комментаторами выступали В.В. Бартольд, Е.Э. Бертельс, Б.Я. Владимирцов, А.К. Коковцов, В.Л. Котвич, П.Н. Макинцян, Б.В. Миллер, Л.И. Назарянц, И.А. Орбели, Э.К. Пекарский, А.А. Ромаскевич, В.В. Струве, В.А. Териан, М.Г. Тихая-Церетели, Б.А. Тураев, А.А. Шахматов. Эта работа продолжалась до 1924 г., пока существовало издательство "Всемирная литература", а затем продолжилась в академическом издательстве.

Востоковеды организовали в те же годы — "при исключительно трудных условиях"² — несколько выставок. Регулярно выступали с публичными лекциями.

В 1919 г. в Петрограде была организована выставка памятников буддизма (Первая буддийская выставка). Как писал позже С.Ф. Ольденбург: "Члены и научные сотрудники Академии принимали ближайшее участие в устройстве в Петрограде в 1919 г.

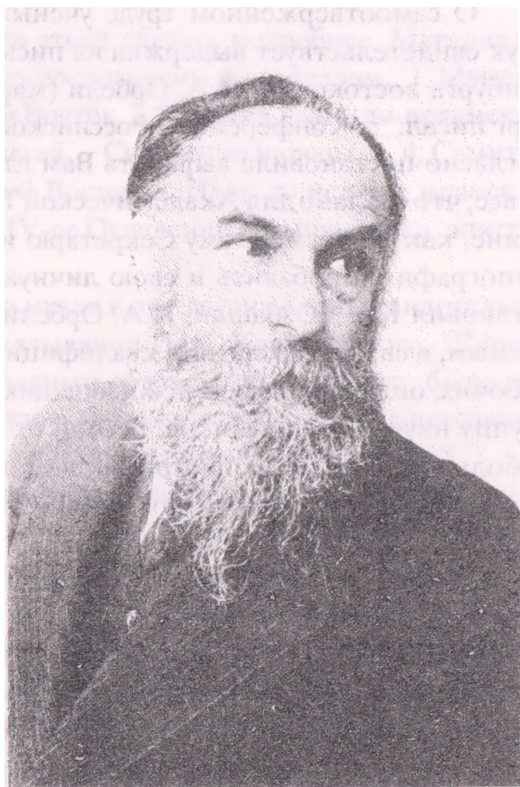
¹ Каталог издательства "Всемирная литература". Петербург, 1919, с.5.

² Первая буддийская выставка в Петербурге. Очерк академика С.Ф.Ольденбурга. Пг., 1919, с.40.

выставки по буддизму, причем академиками С.Ф. Ольденбургом и Ф.И. Щербатским и профессором Б.Я. Владимирцовым были напечатаны соответствующие очерки¹.

В августе-сентябре 1919 г. была организована "Выставка заупокойного культа Древнего Египта". С лекциями выступали академик Б.А. Тураев и профессор В.В. Струве. В ноябре 1922 г. в двух залах Государственного Эрмитажа была организована "Выставка сасанидских древностей", к открытию которой была издана пояснительная статья И.А. Орбели.

Учёные-востоковеды читали публичные лекции не только в Петрограде, но и систематически выезжали с этой целью в 1918 и 1919 гг. в Москву, ставя основной задачей "ознакомление народных масс с достижениями науки..."². Лекции были бесплатными, "вход был свободным".

Академик И.А. Орбели (1887—1961),
заведующий Ленинградского
отделения ИВ АН СССР (1956—1961)

¹ Цит. по: "АН СССР за десять лет". Л., 1927, с.150.

² Афиша 1919 г., хранившаяся в архиве профессора В.А. Гордлевского. Мемориальный кабинет академика В.А. Гордлевского в Институте востоковедения АН СССР.

О самоотверженном труде учёных российской Академии наук свидетельствует выдержка из письма академика С.Ф. Ольденбурга востоковеду И.А. Орбели (март 1922 г.). С.Ф. Ольденбург писал: "... Конференция Российской Академии Наук..., единогласно постановила выразить Вам глубокую и благодарность за все, что сделано для Академической Типографии... Позвольте и мне, как Непременному Секретарю и Вашему сотруднику по Типографии, прибавить и свою личную благодарность..."¹. Как установил К.Н. Юзбашян, И.А. Орбели, будучи уже известным учёным, в связи с нехваткой квалифицированных типографских рабочих, овладел профессией наборщика, и, собрав "небольшую группу научных работников, обучил их наборному делу..."². Эти небольшие штрихи из биографий выдающихся учёных — прекрасная характеристика их понимания долга научного сотрудника.

Максим Горький, много сделавший для улучшения быта и жизни учёных, писал С.Ф. Ольденбургу: "... Я наблюдал, с каким стоическим мужеством творцы русской науки переживали мучительные дни голода и холода, видел, как они работали, и видел, как умирали. Мои впечатления за это время сложились в чувство глубокого и почтительного восторга перед Вами, герои свободной, бесстрашно исследуемой мысли"³.

В трудные годы революции и гражданской войны основным, главным учреждением для всех востоковедов оставался Азиатский музей.

В 1918 г. "после тщательного обсуждения советом Музея вместе с академиками востоковедами, было принято следующее новое деление Музея. I-ое Отделение. Книги, печатанные на европейских языках. II-ое Отделение — Азиатский архив; III-е

¹ Цит. по: К.Н. Юзбашян. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964, с.54—55.

² Там же, с.53.

³ А.М. Горький. Собрание сочинений, т.29. М., 1954, с.441.

Отделение — Восточные рукописи и книги, печатанные на Востоке"¹.

Об этом Отделении стоит сказать подробнее. Материалы Ш-го Отделения были рассредоточены по разделам: "1. Мусульманский мир. 2. Дальний Восток. 3. Средняя Азия, до-исламские турки, Индия, Индокитай, Сибирские народы. 4. Семиты. 5. Кавказ и христианский Восток. 6. Иран до ислама, иранские языки". Было создано и IV-ое Отделение: Нумизматика, эпиграфика, археология².

О роли Азиатского музея в эти трудные годы свидетельствует авторитетное высказывание И.Ю. Крачковского. "Директорство Ольденбурга, главным образом 1917—1925 гг., было порой особого расцвета Музея, когда он незаметно стал центром в сущности всего научного востоковедения в Ленинграде"³.

В 1921 г. была создана при Азиатском музее Коллегия востоковедов. На своих заседаниях она объединяла всех учёных, давала возможность координации деятельности многочисленных подразделений Академии наук и определяла тематику и содержание "Записок Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук". Востоковеды принимали участие в создании Восточного отдела Академии генерального штаба в Москве.

Осенью 1921 г. были эвакуированы и возвращены из Саратова в Азиатский музей восточные рукописи. На фронт для спасения от гибели письменных памятников культуры командировались крупные учёные из Петрограда и Москвы. Рукописи и редкие издания хранилищ Зимнего дворца, библиотеки Учебного отделения царского МИДа были переданы в фонды Азиатского музея. Сюда же поступали библиотеки и научные архивы

¹ Отчёт о деятельности Азиатского музея Российской Академии Наук за 1918 год. Петроград, 1919, с.1.

² Там же.

³ И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. I, с.64.

Академик Ф.И. Щербатской (1866—1942)

многих выдающихся учёных. "К концу 1926 г. в Азиатском музее хранилось более 200 тыс. томов книг, журналов, инкунабул, ксилографов, рукописей". В 1924 г. Азиатскому музею было передано здание Библиотеки Академии наук, что улучшило возможности размещения фондов и организации выставок

Значительно выросла численность сотрудников Азиатского музея (6 штатных сотрудников в 1917 г., 18 — в 1925 г., 34 — в 1929 г.). В 1922 г. возник Радловский кружок при Музее антропологии и этнографии, в апреле 1928 г.

создаётся Туркологический кабинет во главе с академиком В.В. Бартольдом, а в мае того же года — Институт для изучения буддийской культуры (ИНБУК) с двумя секциями: Индии, Тибета, Монголии и секцией Китая и Японии. Велась подготовительная работа по созданию Кабинета арабской филологии и некоторых других.

В двадцатые годы начали налаживаться научные контакты советских востоковедов с зарубежными коллегами. Одним из

¹ Архив АН СССР, ф.152, оп.1, д.83, л.10.

первых в длительную поездку по странам Западной Европы (Англия, Франция, Германия, Швеция, Чехословакия) отправился известный индолог Ф.И. Щербатской. Он участвовал в работах Международных конгрессов ориенталистов в Париже (1922 г.) и Лондоне (1923 г.). На валюту, предоставленную Наркомпросом РСФСР, им была закуплена научная литература по востоковедной тематике. В научные зарубежные командировки выезжали в двадцатые годы С.Ф. Ольденбург и В.М. Алексеев. Академия наук СССР стремилась наладить связи с научными обществами и университетами стран Востока. В 1925 г. с этой целью за рубеж командировается академик Н.Я. Марр. По приглашению турецкого правительства в 1925 г. в Турцию выезжал академик В.В. Бартольд для участия в создании при Стамбульском университете тюркологического института¹.

В 1925 г. было отмечено 200-летие Российской Академии наук. Советская востоковедная наука была достойно представлена на торжествах. В Азиатском музее, значительно пополнившим свои коллекции, "были развернуты три выставки: 1) Персидские миниатюры, 2) Развитие китайской книги и 3) Среднеазиатская и индийская письменность"².

К концу 20-х годов стало очевидным, что Азиатский музей давно уже вышел за музейные рамки. Необходимо было найти новые формы, новую структуру, которые дали бы возможность с наибольшей отдачей использовать его научный потенциал. Азиатский музей нуждался, как и все академическое востоковедение, в радикальной реформе.

Эту назревшую реформу удалось осуществить академику С.Ф. Ольденбургу.

17 февраля 1929 г. была образована Группа по востоковедению в составе всех академиков-востоковедов "для установления

¹ Документы внешней политики СССР, т. IX, с. 680.

² Д.Е. Бертельс. Введение. — "Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР". М., 1972, с. 39.

единства в общем руководстве работою всех востоковедных учреждений и предприятий Академии Наук". В этом же году был подготовлен Проект реорганизации восточного сектора Академии Наук СССР, по которому предусматривалось — "все ныне существующие востоковедные учреждения Академии Наук — Азиатский музей с Коллегией востоковедов, Туркологический кабинет, Институт буддийской культуры - сливаются и образуют новый научно-исследовательский Институт востоковедения, работающий по единому плану и под единым руководством".

Работа по объединению всех востоковедных научных учреждений завершилась в 1930 году, когда Комитет по заведыванию учёными и учебными учреждениями ЦИК СССР утвердил Институт востоковедения в списке учреждений АН СССР.

Первым директором Института востоковедения стал академик Сергей Фёдорович Ольденбург.

ГЛАВА II

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В 1930—1949 ГОДЫ

Структура Института востоковедения была построена по культурно-историческому принципу. Вводилось планирование научной работы, предусматривалось изучение новой и новейшей истории, национально-освободительного движения, проблем экономики стран Востока. Остро стоял вопрос о специалистах по проблемам экономики, социальной и политической истории, международным отношениям, рабочему, крестьянскому и национальным движениям.

За пять лет (1929—1934 гг.) число сотрудников Института выросло с 18 до 47. И продолжало расти и в последующие годы. В 1940 г. в Институте трудилось уже 120 человек (из них — научного персонала, вместе с аспирантами и докторами — 110).

Большое внимание уделялось укреплению связей Института востоковедения с Казахстаном, республиками Средней Азии и регионом Дальнего Востока.

Академик С.Ф. Ольденбург возглавил в январе 1933 г. Таджикскую базу АН СССР — центр научной жизни республики. Иранист Евгений Эдуардович Бертельс (1890—1957) принял на себя обязанности руководителя историко-филологического сектора Таджикской базы. Тюрколог Александр Николаевич Самойлович (1880—1938) стал руководителем сектора Казах-

станской научной базы. В работе Дальневосточной базы участвовал китаист А.А. Драгунов (1900-1955).

Положительно оценивая проделанную Институтом работу, Президиум АН СССР в апреле 1936 г. принял решение о целесообразности сосредоточить усилия Института на дальнейшем изучении и публикации документов по истории народов СССР, о продолжении работы по изданию материалов по истории казахов, а также туркмен, узбеков и других народов Средней Азии.

Вместе с тем, Президиум АН СССР принял в марте 1938 г. по докладу академика В.В. Струве (1889—1965) постановление, которое обращало внимание на международную значимость уникальных коллекций Института востоковедения и важность работы его Рукописного отдела.

В Институте начинают разрабатываться не только новые научные проблемы, но возникают и новые направления востоковедных знаний. В.В. Струве, ученик академика П.К. Коковцова (1861—1942), стал основоположником изучения социальной и экономической истории древнего Двуречья. Сименом руководителя Японо-корейского кабинета академика Н.И. Конрада (1891—1970) связано становление отечественного корееведения. В ноябре 1930 г. в Институт был приглашён Н.А. Невский (1892—1945), учёный, которому суждено было прославить отечественную науку исследованиями тангутской филологии. 30-е годы были временем интенсивного развития монголоведения в нашей стране. Успехи этой науки не в последнюю очередь связаны с именем академика С.А. Козина (1879—1956). Развивались традиционные ближне- и средневосточные научные направления (арабистика, иранистика, кавказоведение, тюркология, изучение буддизма).

Старшее поколение востоковедов — В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, П.К. Коковцов, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, В.М. Алексеев, Б.Я. Владимирцов, Н.И. Конрад, И.Ю. Крачковский, И.А. Орбели, Д.М. Позднеев, В.В. Струве, И.Г. Франк-Ка-

менецкий, А.А. Фрейман занимались преимущественно проблемами истории культуры, филологическими исследованиями литературных памятников и исторических текстов, изучением древнего и средневекового Востока.

Аспиранты и молодые сотрудники Института, в частности, Е.М. Жуков, В.Д. Позднеева, Д.М. Скляров избрали темами своих исследований актуальные вопросы новой и новейшей социальной и политической истории Японии.

Следует признать, что в 30-е годы в Институте было подготовлено немало интересных и значительных трудов, получивших высокую оценку как отечественных, так и зарубежных специалистов. Наряду с историческими и культуроведческими работами, сотрудниками Института было подготовлено несколько словарей и грамматик языков Востока. Большого успеха Институт добился в изучении источников по истории народов Средней Азии, жизни и творчества выдающихся мыслителей, поэтов и учёных средневекового Востока. Большая работа проводилась учёными Института в связи с юбилеями Фирдоуси, Шота Руставели, а также по подготовке и проведению III Международного конгресса иранского искусства и археологии¹.

На Институте востоковедения, жизни и судьбе его сотрудников не могла, конечно, не сказаться самым отрицательным образом ситуация, сложившаяся в стране к началу 30-х годов. Многие сотрудники Института, среди других упоминавшиеся выше выдающиеся учёные А.Н. Самойлович и Н.А. Невский, стали жертвами сталинских репрессий.

Новые тяжелые испытания пришлось пережить Институту в годы Великой Отечественной войны. Поредевшие ряды сотрудников сосредоточили свои усилия на спасении уникальных фондов, рукописей, книг, библиотеки и архивов погибших в осажденном Ленинграде товарищей. Фактически Институт оказался

¹ Подробнее см.: Н.А. Кузнецова, Л.М. Кулагина. Из истории советского востоковедения. 1917-1967. М., 1970, с.89.

разбитым на три группы: Ленинградскую — которая занималась спасением фондов; Ташкентскую — её возглавил академик В.В. Струве, — которая совместно с местными учёными вела работу по описанию рукописей и изучению истории и культуры народов Средней Азии; Московскую, руководимую академиком И.Ю. Крачковским.

В начале октября 1943 г. в Москве под председательством вице-президента Академии наук В.П. Волгина, при участии директора Института востоковедения В.В. Струве и находившихся в столице академиков-востоковедов, состоялось совещание, на котором было решено создать Московскую группу Института востоковедения. Её руководителем был назначен академик И.Ю. Крачковский.

Было бы неверным, однако, начинать историю академического востоковедения в Москве с 1943 г., поскольку ещё в предвоенные годы востоковедной тематикой (экономическими проблемами азиатских стран, вопросами новой и новейшей истории, международных отношений) занимались в Секторе колониальных и зависимых стран Института истории СССР. В Москве в те годы работали в университетах и научных учреждениях (в том числе и по плану Института востоковедения) В.И. Авдиев, А.Л. Гальперин, В.А. Гордлевский, А.А. Губер, Е.М. Жуков, Б.Н. Заходер, В.Б. Луцкий, Г.С. Кара-Мурза, И.М. Рейснер, Н.А. Смирнов и другие учёные. Проблемами Азиатско-тихоокеанского региона занимались в Тихоокеанском институте (создан в 1934 г., передан в АН в 1942 г.).

Решением Президиума АН СССР от 9 февраля 1944 г. Московская группа Института была признана филиалом последнего и внесена в список структурных учреждений АН по Отделению литературы и языка. После эвакуации основателя Группы академика И.Ю. Крачковского в Ленинград председателем её был назначен Н.И. Конрад.

Решением Государственного Комитета Оборона Институт

востоковедения в мае 1945 г. был возвращён в Ленинград.

Многие сотрудники Института за самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны были награждены орденами и медалями.

В 1950 г. постановлением Совета Министров СССР Институт востоковедения был переведён в Москву. При этом в Ленинграде был сохранён Сектор восточных рукописей (позже преобразованный в Ленинградское отделение Института).

ГЛАВА III

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПОСЛЕ 1950 ГОДА

В 1950 г. Московская группа Института вместе с докторантами и аспирантами насчитывала 36 востоковедов и по-существу уже тогда являлась крупным научно-исследовательским центром. К тому времени в Москве сложилось два направления научных исследований — филологическое и историко-экономическое, что содействовало комплексному изучению стран Востока.

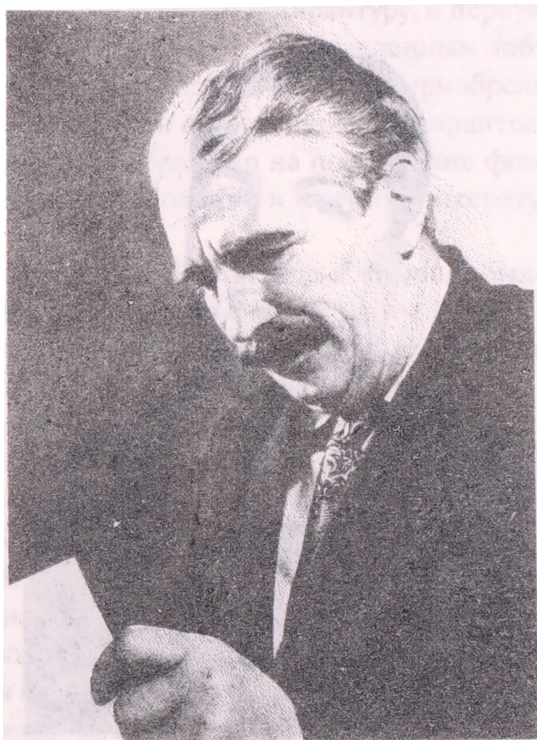
Постановлением Президиума АН СССР в 1950г. в реорганизованный Институт были переведены востоковеды ликвидированного Тихоокеанского института, а также специалисты, работавшие в других академических учреждениях Москвы. Из Отделения литературы и языка АН СССР Институт востоковедения был переведен в Отделение истории и философии.

В основу структуры Института был положен регионально-страноведческий принцип. Институт делился на сектора: Японии, Китая, Стран Юго-Восточной Азии, Индии и Афганистана, Ирана, Турции и Арабских стран, Советского Востока. Таким образом, учёные разных специальностей — историки, экономисты, лингвисты, литературоведы — объединялись в одно региональное или страноведческое подразделение.

При сохранении комплексного характера Института акцент в исследовательской работе делался на труды социального

и исторического характера. Основной задачей Института должно было стать изучение проблем современного социального, экономического, политического, культурного и идеологического развития стран Востока, кризиса колониальной системы, становления новых литературных и государственных языков.

Институт не был, однако, обеспечен кадрами исследователей по многим необходимым ему специальностям — прежде всего, по проблемам экономики стран Востока, а также специалистами по Юго-Восточной Азии. Отрица-

Член-корреспондент АН СССР С.П. Толстов
(1907—1976),
директор ИВ АН СССР (1950—1953)

тельно сказывалось на исследовании проблем современной социально-политической жизни стран Востока недостаточное обеспечение Института иностранной научной литературой, периодикой, отсутствие регулярных контактов с зарубежными коллегами и длительных научных командировок в страны Востока и зарубежные востоковедные центры. Не улучшили дело и структурные преобразования 1953 года, когда Институт был разделён на три региональных отдела: Дальнего Востока, Индии и стран Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, каждый из которых делился в свою очередь на два сектора — один объ-

Академик Б.Г. Гафуров (1908—1977),
директор ИВ АН СССР (1956—1977)

единял историков и экономистов, другой — лингвистов и литературоведов.

Некоторые из этих недостатков Институт сумел преодолеть только после XX съезда КПСС, когда его директором был назначен Б.Г. Гафуров (1908—1977).

7 сентября 1959 г. было принято постановление Президиума АН СССР "О задачах и структуре Института востоковедения". Тогда же были созданы новые научные подразделения: Отдел Африки, Отдел международных

вопросов, а позже также Отдел публикации памятников истории и культуры народов Востока, Отдел научной информации, Отдел финансовых проблем, Отдел Австралии и Тихого Океана и некоторые другие.

В Ленинградском отделении Института были созданы сектора: истории, филологии, восточных рукописей.

Новая структура Института строилась на сочетании регионально-страноведческого принципа с проблемно-отраслевым.

В Институте значительно увеличился штат научных сотрудников за счёт квалифицированных специалистов, приглашённых работать из различных учебных заведений и практичес-

шённных работать из различных учебных заведений и практических организаций. Был расширен приём в аспирантуру, в первую очередь по специальностям недостаточно представленным либо полностью отсутствовавшим. Регулярный характер приобрели зарубежные научные командировки сотрудников и аспирантов.

Серьёзное внимание было обращено на пополнение фондов библиотеки иностранной периодикой и научной литературой.

При переводе Института из Ленинграда в столицу было перевезено 9 тысяч книг из имевшихся там 600 тысяч. Вместе с фондом Тихоокеанского института, вошедшего в состав Института востоковедения, его библиотека насчитывала примерно 14 тыс. единиц¹. Некоторое количество книг и периодических изданий библиотеке Института выделили Библиотека АН СССР, Библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и Историческая библиотека в Москве. В последующие годы были приобретены или подарены Институту личные библиотеки академика В.А. Алексеева по синологии, профессора Е.А. Адамова по истории международных отношений и всеобщей истории, профессора А.В. Рудакова и профессора Г.С. Кара-Мурзы по Китаю, профессора Усмана Эфенди по индонезийской филологии, профессора Р.А. Ульяновского по Индии. Семья академика В.А. Гордлевского передала в 1958г. в Институт его личную библиотеку (ныне мемориальный кабинет В.А. Гордлевского). В 1960г. был основан мемориальный кабинет профессора Ю.Н. Рериха, в фондах которого находится более 5 тысяч редких книг по тибетологии, индологии и другим дисциплинам, переданных С.Н. Рерихом в пользование Института.

Валютные ассигнования, интенсивный книгообмен внутри страны и зарубежный (особенно возросший после 1956г.) содействовали тому, что фонд библиотеки Института (книг, брошюр,

¹ Подробнее см.: А.И. Бендик. Путеводитель по библиотеке Института востоковедения. М., 1970.

журналов, диссертаций, микрофильмов) вырос до 330 тысяч библиотечных единиц на 113 языках мира. Библиотека имеет также собрание газет на восточных языках за многие годы. Специализированная синологическая библиотека достигла 100 тысяч единиц.

Старейшая востоковедная библиотека страны — библиотека Санкт-Петербургского филиала Института — в настоящее время насчитывает около полумиллиона книг, брошюр и журналов на многих восточных и европейских языках. Фонды пополняются научной литературой — изданиями источников (эпиграфических, нумизматических, письменных, фольклорных и т.п.) по истории и истории культуры народов Востока, исследованиями, посвященными этим источникам, фонды отражают историю и историю культуры всех стран и народов Востока в древний, средневековый и новый периоды.

Структура книжного хранилища определяется языком печатного издания и делится на 12 фондов: Европейский фонд (около 100 тыс. единиц хранения) составляют публикации на славянских и западноевропейских языках, включая издания памятников письменности Востока, вышедшие в странах Европы; Арабский фонд Еврейский фонд (несколько десятков тысяч ед.); Индийский фонд (небольшие коллекции книг и журналов на различных языках Индии и Пакистана); Кавказский фонд (хорошо представлены книги на армянском и грузинском языках с начала национального книгопечатания и до наших дней); Китайский фонд (один из самых старых и больших восточных фондов библиотеки); Корейский фонд (примерно тысяча книг и журналов сорока наименований); Монгольский фонд (издания на монгольском, калмыцком и бурятском языках); Персидский фонд (хорошо отражает иранские издания XIX в.); Турецкий фонд, фонды на тюркских языках народов СССР (представлены все этапы национального книгопечатания тюркских народов СССР); Японский фонд (около 20 тыс. единиц, в том числе около

700 названий периодических изданий). Особо выделены мемориальные библиотеки Н.Я. Марра, И.А. Орбели и В.Ф. Минорского¹.

Рукописное и ксилографическое собрание СпбФ. Института, являясь одним из самых крупных в мире, включает и такие фонды, которые считаются единственным источником для исследований культуры народов Востока.

В настоящее время в Рукописном отделе насчитывается 67.625 ед. хранения, которые распределены по 26 фондам: 1 — арабские, персидские, тюркские рукописи; 2 — арабские, персидские, тюркские документы; 3 — армянские рукописи; 4 — грузинские рукописи; 5 — сирийские рукописи; 6 — самаританские рукописи; 7 — эфиопские рукописи; 8 — еврейские рукописи; 9 — согдийские рукописи; 10 — уйгурские рукописи и фрагменты; 11 — санскритские, сакские рукописи; 12 — индийские рукописи; 13 — китайские рукописи из Хара-Хото; 14 — китайские рукописи, фрагменты из Дунь-

Академик А.Н. Кононов (1906—1986),
заведующий Ленинградского
отделения ИВ АН СССР (1961—1963)

¹ Владимир Фёдорович Минорский (1877—1966) — дипломат и востоковед, после Октябрьской революции не вернулся в Россию. За рубежом преподавал в учебных заведениях Франции и Англии. Завещал свою библиотеку публикаций на русском языке Кембриджскому университету, а библиотеку изданий на иностранных языках — Институту востоковедения АН СССР.

хуана; 15 — китайские рукописи XVII—XX вв.; 16 — китайские эстампажи; 17 — китайские ксилографы; 18 — тангутские рукописи и ксилографы; 19 — тибетские рукописи и ксилографы; 20 — монгольские рукописи и ксилографы; 21 — маньчжурские рукописи и ксилографы; 22 — японские рукописи и ксилографы; 23 — корейские рукописи и ксилографы; 24 — папирус; 25 — карты; 26 — художественный фонд. В Отделе имеется также фототека и фильмотека.

Все эти рукописи, фрагменты и ксилографы написаны более чем на 45 языках. Самыми древними рукописями в фонде являются: древнеегипетский иератический папирус "Книга мёртвых" — X в. до х.э.; южно-арабские бронзовые таблички, содержащие votивную надпись — I — II в., древне-индийская рукопись на бересте "Дхаммапада", буддийский канонический трактат из Южного Синьцзяна I — II вв. Материалы Отдела дают представление об искусстве каллиграфии, восточных миниатюр и оформление переплетов. В Рукописном отделе можно увидеть, на каком материале писали на Востоке до изобретения бумаги (VIII в.) — в собрании имеются рукописи на коже, палках, бересте, папирусе.

Отдельные фонды содержат сведения об исчезнувших культурах Востока: на согдийском, тангутском. Большое количество материалов по истории Пенджикентского правителя Диваштича (нач. VIII в.) и тангутского государства Си-Ся (XII в.) имеются только в фондах Отдела. Отдел ведёт обширную переписку и обмен микрофильмами рукописей и ксилографов со многими учёными и научными учреждениями стран Европы, Америки и Азии. Все фонды Рукописного отдела заинвентаризированы, имеются карточные каталоги. Почти все фонды имеют научные каталоги и описания.

Политическая и практическая значимость востоковедных исследований, интерес читателей к публикациям о странах Востока обусловили появление в 50-е годы двух журналов.

В 1955 г. был основан журнал "Советское востоковедение"¹ — печатный орган Института востоковедения. Главным редактором журнала в 1955—1956 гг. был В.А. Масленников. С 1957 по 1976 г. журналом руководил И.С. Брагинский, которого сменил в конце 1976 г. А.А. Куценков. В 1988 г. главным редактором стал Л.Б. Алаев.

С 1957 г. начал выходить первый в стране ежемесячный научный и общественно-политический журнал "Современный Восток" (с 1961 г. — "Азия и Африка сегодня"). Его возглавил и до 1974 г. был главным редактором директор Института востоковедения академик Б.Г. Гафуров. В мае 1974 г. главным редактором стал Г.Ф. Ким, которого в 1987 г. сменил М.С. Капица. Журнал издаётся на русском, английском и арабском языках.

После преобразования в 1959 г. Отдела Африки Института востоковедения в самостоятельный Институт Африки АН СССР оба журнала стали органами этих Институтов.

1957 г. был ознаменован важным событием в истории не только Института востоковедения, но и всего отечественного востоковедения: при Институте было образовано специализированное Издательство восточной литературы со своим штатом и типографской базой². Если в первый год деятельности новое издательство опубликовало всего 31 название книг и журналов (159 изд. листов, общим тиражом 394 тыс. экземпляров), то уже в 1960 г. было издано 656 названий (2696 изд. листов, общим тиражом 1.713 тыс. экземпляров). С 1957 и до 1993 гг. работой Издательства (а позже Главной редакцией восточной литературы издательства "Наука") руководил О.К. Дрейер.

С середины шестидесятых годов объём печатной продукции Главной редакции восточной литературы стабилизировался и превышал к началу 90-х гг. четыре тысячи листов в год; общий

1 С первого номера 1959 г. — "Проблемы востоковедения"; со второго номера 1961 г. "Народы Азии и Африки". С 1991 г. выходит под названием "Восток".

2 В 1964 г. Издательство восточной литературы было преобразовано в Главную редакцию восточной литературы Издательства "Наука" АН СССР

ежегодный тираж книг, брошюр, сборников и серийных изданий доходил до двух с половиной миллионов экземпляров. Издательство публиковало все работы по восточной тематике всех учреждений АН СССР, а также многие работы востоковедных центров республик, входивших в СССР.

Создание Издательства, в работе которого участвовали специалисты высокой квалификации, позволило учёным Института востоковедения (совместно с коллегами из других научно-исследовательских центров) осуществить публикацию нескольких серийных изданий, получивших самую высокую оценку. Среди них отметим: "Памятники литературы народов Востока" (большая и малая серии); "Памятники письменности Востока", "Азия и Африка в источниках и материалах" и другие. Была издана серия справочников (которую открыл в 1957 г. справочник "Современный Иран", подготовленный под руководством профессора Б.Н. Заходера). Всего же увидели свет около девяти тысяч монографий и сборников статей, посвящённых странам и народам Востока.

Большую научно-организационную работу вёл созданный в 1961 г. по инициативе Института востоковедения Научный совет по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения. (Его последовательно возглавляли: Б.Г. Гафуров, Е.М. Примаков, Ю.В. Ганковский, М.С. Капица). Научный совет составлял сводные планы востоковедных исследований, которые велись в 93 научно-исследовательских, педагогических и практических учреждениях страны, а также планы научных конференций, семинаров и симпозиумов. Деятельность Научного совета содействовала координации усилий учёных при решении актуальных востоковедных проблем, проведению био-библиографической работы, координации планов подготовки научных кадров, организации коллективных межинститутских трудов.

Важной чертой научной деятельности Института после

1956г. стало расширение исследований проблем современного Востока. Было подготовлено и опубликовано большое число индивидуальных и коллективных трудов по проблемам социально-экономического и политического развития стран Азии и Северной Африки после второй мировой войны, особенностей их внешней политики. Большое внимание уделялось также истории общественной мысли, идеологической борьбы, религий и философских учений стран и народов Востока.

Учёные Института востоковедения активно участвовали в организации и проведении XXV Международного конгресса востоковедов в 1960 г. в Москве. Многочисленную советскую делегацию представляли не только учёные Москвы, Ленинграда и других российских востоковедных центров, но и востоковеды Закавказья и Средней Азии.

Институт востоковедения был инициатором создания программы по изучению цивилизаций народов Центральной Азии. Эта программа, получившая одобрение на Генеральной Конференции ЮНЕСКО в 1966 г., предусматривала организацию международных научных конференций, а также подготовку совместных публикаций. О плодотворности программы свидетельствуют Международная конференция по истории, археологии и искусству Центральной Азии в Кушанскую эпоху (1968 г., Душанбе). Международный симпозиум, посвящённый искусству народов Центральной Азии в средние века (1969 г., Самарканд), Международная конференция ЮНЕСКО на тему: "Социальное и культурное развитие стран Центральной Азии в XIX—XX веках" (1972 г., Ашхабад) и другие международные научные форумы. При активном участии специалистов Института под эгидой ЮНЕСКО осуществляется подготовка многотомного международного научного издания — "История цивилизаций Центральной Азии".

При исследовании проблем истории и современного социального, политического, экономического, культурного и идеоло-

гического развития стран и народов Востока, Институт стремился обеспечить комплексное изучение закономерностей и основных тенденций развития как каждой страны в отдельности, так и всех стран Востока в целом, в теснейшей связи с общемировыми процессами.

Реализации этого замысла должна была содействовать подготовка и издание ряда обобщающих коллективных исследований. Так, в 1969 г. была завершена публикация (начатая в 1959 г.) четырёхтомной "Истории Индии" (с древности до наших дней), осуществленная Отделом Индии под руководством профессора В.В. Балабушевича, Н.М. Гольберга, А.М. Дьякова, А.М. Осипова, Л.Б. Алаева, К.А. Антоновой, К.З. Ашрафян. Том по древности написали Г.М. Бонгард-Левин и Г.Ф. Ильин.

В 1967—1968 гг. было осуществлено издание трёхтомника по истории национально-освободительных движений, а в 1974 г. двухтомной работы "Зарубежный Восток и современность".

В 80-е годы была подготовлена и издана серия книг, посвящённых истории отношений России и СССР со странами Востока (руководители работы Г.Ф. Ким и П.М. Шаститко).

В 1986 г. был издан коллективный труд "История народов Восточной и Центральной Азии" (руководитель работы Ю.В. Ганковский).

Институтом были подготовлены исследования, посвящённые проблемам трансформации и эволюции традиционных социальных и политических структур восточного общества; специфике процессов классовообразования; государственного строительства; крестьянских, рабочих и национальных движений; места и роли религии в политической и идеологической жизни стран Востока.

Поскольку, наряду с общими закономерностями, экономические, социальные и политические процессы, протекающие в странах Востока, определяются и специфическими особенностями развития отдельных государств, Институт уделял большое

внимание страноведческим исследованиям. Были подготовлены коллективные и индивидуальные монографии по истории и современным социально-политическим и идеологическим проблемам Японии, Китая, Кореи, Монголии; стран Юго-Восточной Азии; Индии и других стран Южной Азии; Афганистана, Ирана, Пакистана, Турции; Арабских стран; Израиля и Кипра.

В создании многих из этих работ активно участвовали сотрудники других академических институтов (Африки, Дальнего Востока, Этнографии), востоковедных исследовательских центров Средней Азии и Закавказья, а также восточных институтов, факультетов и кафедр университетов.

Содействовали своими трудами комплексному исследованию кардинальных проблем истории и особенностей современного развития:

Стран Дальнего Востока (Китай, Кореи, Монголии, Японии) Т.Н. Акатова, А.А. Бокщанин, Л.Н. Борох, Ю.В. Ванин, Л.С. Васильев, А.Л. Гальперин, Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Л.Д. Гришелёва, Л.П. Делюсин, Л.И. Думан, С.Д. Дылыков, Б.Н. Занегин, И.Я. Златкин, В.П. Илюшечкин, А.А. Искендеров, И.С. Казакевич, Н.М. Калюжная, Г.Ф. Ким, И.А. Латышев, Н.Ц. Мункуев, Г.И. Подпалова, С.К. Рощин, Б.Г. Сапожников, Н.П. Свистунова, А.И. Стадниченко, С.Л. Тихвинский, В.Д. Тихомиров, П.П. Топеха, Г.Д. Тягай, Ф.И. Шабшина, Н.П. Шастина, В.И. Шипаев;

Стран Юго-Восточной Азии: О.Г. Барышникова, А.Б. Бельский, Э.О. Берзин, В.Ф. Васильев, Л.М. Дёмин, В.А. Жаров, О.И. Забозлаева, Е.П. Заказникова, В.И. Искольдский, А.С. Кауфман, Г.И. Левинсон, Ю.О. Левтонова, И.В. Можейко, С.А. Мхитарян, Н.В. Ребрикова, Г.Г. Сочевко, В.А. Тюрин, А.Н. Узянов, Г.И. Чуфрин, Г.С. Шабалина;

Индии и других стран Южной Азии: Л.Б. Алаев, К.А. Антонова, К.З. Ашрафян, В.В. Балабушевич, Л.С. Гамаюнов, Н.М. Гольдберг, Л.А. Гордон, Т.Ф. Девяткина, А.М. Дьяков,

М.Н. Егорова, Э.Н. Комаров, Г.Г. Котовский, А.А. Куценков, А.М. Мельников, В.И. Павлов, И.Б. Редько, И.М. Рейснер, Л.И. Рейснер, Э.Д. Талмуд, А.И. Чичеров;

Стран Ближнего и Среднего Востока (Афганистана, Ирана, Пакистана, Турции): А.З. Арабаджян, Р.Т. Ахрамович, А.П. Базиянц, В.Я. Блокреницкий, П.П. Бушев, Ю.В. Ганковский, М.А. Гасратян, В.И. Данилов, Б.М. Данциг, И.В. Жмуйда, Б.Н. Заходер, С.Н. Каменев, Н.Г. Киреев, В.Г. Коргун, Р.П. Корниенко, Н.А. Кузнецова, М.С. Лазарев, С.Ф. Левин, А.Ф. Миллер, Л.И. Мирошников, П.П. Моисеев, М.Ю. Морозова, Ю.Н. Розалиев, В.В. Трубецкой, Е. Уразова, В.В. Цыбульский, А.Б. Шамсутдинов, Р.И. Шерковина;

Стран Арабского Востока и Израиля: Л.Н. Ватолина, Е.К. Голубовская, Н.А. Иванов, В.И. Киселёв, Л.Н. Котлов, Р.Г. Ланда, Е.А. Лебедев, В.В. Наумкин, Б.Г. Сейранян, Л.А. Семёнова, И.М. Смилянская.

Новым направлением исследований, возникшим в Институте в середине 60-х годов, стало изучение проблем Австралии и Океании, руководителем которого сначала был К.В. Малаховский, а затем В.А. Вревский. Как указывалось выше, большое внимание уделялось в Институте изучению истории общественной мысли народов Востока, той роли, которую играла и играет в их жизни религия. Исследованию этих проблем содействовала подготовка и публикация коллективных и индивидуальных монографий, а также сборников статей, существенный вклад в создание которых внесли Е.А. Беляев, А.Е. Бертельс, Е.А. Дорошенко, А.И. Ионова, З.И. Левин, А.Д. Литман, А.В. Малащенко, Г.В. Милославский, Л.Р. Полонская, И.Л. Фадеева.

Образование в Институте организационно-самостоятельного Отдела международных вопросов (его работой последовательно руководили Г.Л. Бондаревский, А.А. Куценков, А.И. Чичеров, М.С. Капица и А.М. Хазанов), содействовало созданию серии исследований, посвященных истории международных от-

ношений на Востоке, а также комплексному изучению проблем внешней политики стран Азии и Северной Африки. Разработке этих проблем, как на страноведческом, так и на региональном уровне содействовали своими трудами М.Р. Арунова, Б.П. Гуревич, И.Д. Звягельская, Г.П. Колыхалова, В.С. Котляров, Л.М. Кулагина, В.Ф. Ли, В.Н. Москаленко, Р.М. Мукиджанова, Е.А. Орлов, Б.П. Поцхверия, Б.Г. Сапожников, Н.А. Халфин, А.С. Шин.

Трудами учёных Отдела Древнего Востока (его возглавляли последовательно академики М.А. Коростовцев, Б.Б. Пиотровский, Б.А. Литвинский) были созданы капитальные исследования по проблемам древней истории Азии и Северной Африки. Авторами этих трудов были В.И. Авдиев, Г.М. Бауэр, Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский, И.С. Кацнельсон, Э.А. Новгородова, Т.Н. Савельева, Т.В. Степутина, И.А. Стучевский.

Большое внимание уделялось в Институте изучению и введению в научный оборот малоизвестных или недостаточно исследованных памятников истории и истории культуры народов Востока. Активизацию работы на этом важном направлении востоковедных знаний содействовала организация Отдела публикации памятников (которым с момента его создания руководил Г.Ф. Гирс). Важную роль в координации деятельности востоковедов, занимавшихся этими проблемами, сыграли регулярно проводимые Отделом "Бартольдские чтения" (организацией которых занималась Е.А. Давидович). Большой вклад в научное издание памятников внесли Г.Ю. Алиев, Р.М. Алиев, Р.В. Вяткин, А.Е. Глускина, Т.П. Григорьева, Т.Я. Елизаренкова, Г.Ф. Ильин, В.М. Константинов, М.А. Коростовцев, Е.И. Маштакова, М.-Н.О. Османов, Л.С. Переломов, К.А. Попов, А.Я. Сыркин, А.С. Тверитинова, А.И. Фалина, И.М. Фильштинский, Н.И. Чегодарь. Труды учёных Института многие памятники Востока были опубликованы не только на языках оригинала, но и в переводе на русский язык.

Если исторические исследования, проводимые в Институте, относятся к одному из давно сложившихся направлений востоковедных знаний, то изучение экономики стран Востока — направление сравнительно молодое.

Активное изучение экономических проблем Востока началось в нашей стране относительно поздно и определялось, в первую очередь, потребностями практики: установление и быстрое развитие экономических связей между Советским Союзом и освободившимися странами Востока требовало тщательного ознакомления с их экономикой, ибо только на этой основе можно было планировать и осуществлять развитие этих связей.

Фронт востоковедных экономических исследований постепенно расширялся, охватив все страны Востока.

Повышению теоретического уровня экономических исследований, проводимых в Институте, содействовало создание нескольких организационно самостоятельных подразделений (Финансово-экономического отдела, Отдела экономики и других), работой которых руководили А.И. Динкевич, В.А. Яшкин. Востоковедами экономистами Института было опубликовано значительное число индивидуальных и коллективных монографий, посвящённых комплексному изучению экономических проблем Азии и Северной Африки. Большой вклад в изучение экономики Востока, как на страноведческом, так и на региональном уровне, внесли своими трудами Ю.Г. Александров, А.Е. Грановский, Я.Н. Гузеватый, Р.Х. Гурвич, Н.М. Гуревич, М.А. Дробышев, И.И. Егоров, Н.Г. Киреев, А.П. Колонтаев, А.И. Левковский, М.И. Лукьянова, О.В. Маляров, С.Б. Маркарьянц, С.М. Мельман, П.П. Моисеев, А.М. Петров, К.М. Попов, В.Г. Растьянников, Н.А. Симония, Г.И. Старченков, Р.А. Ульяновский, Е.И. Уразова, Г.Г. Фёдорова, М.А. Чешков, Г.И. Чуфрин, Г.К. Широков.

Как правило, востоковеды-экономисты Института рассматривали экономику Востока сквозь призму многоукладности,

Академик Е.М. Примаков,
директор ИВ АН СССР (1977—1985)

которую считали основной качественной характеристикой всей экономической жизни афро-азиатского мира, а его социально-экономический строй — сочетанием относительно сильных и устойчивых укладов, трансформирующихся в своем развитии. По их мнению, процесс трансформации укладов происходил при их сложном взаимодействии, что приводило к важным качественным изменениям. Социальная и политическая форма межукладных противоречий получала свое проявление в классовой борьбе. При этом востоковеды-экономисты указывали, что при обилии типов и многоплановости социальных функций одной и той же общественной группы, наблюдалась особая устойчивость мелкотоварного уклада и общины на Востоке.

Поскольку уровень технологии является одним из важней-

Член-корреспондент АН СССР Г.Ф. Ким (1924—1989),
и.о. директора ИВ АН СССР (1985—1987)

ших различий между развитыми и развивающимися странами, в Институте серьёзное внимание обращалось на изучение влияния научно-технической революции на социально-экономическое развитие стран Востока; роли культуры и науки в "третьем мире" и их значимости в преодолении технико-экономической отсталости; превращения статичного национального хозяйства этих стран в динамичный механизм.

Большое внимание уделялось изучению аграрного строя, аграрных отношений, форм эксплуатации крестьянства, характера арендных отношений, землевладения и землепользования, роли торгово-ростовщического капитала в сфере сельского кредита и на рынке сельскохозяйственной продукции. (Отметим коллективные работы: "Аграрные реформы в странах Востока" — 1961г.; "Аграрные реформы в развивающихся странах и странах высокоразвитого капитализма" — 1965г.; "Аграрно-крестьянский вопрос на современном этапе национально-освободительного

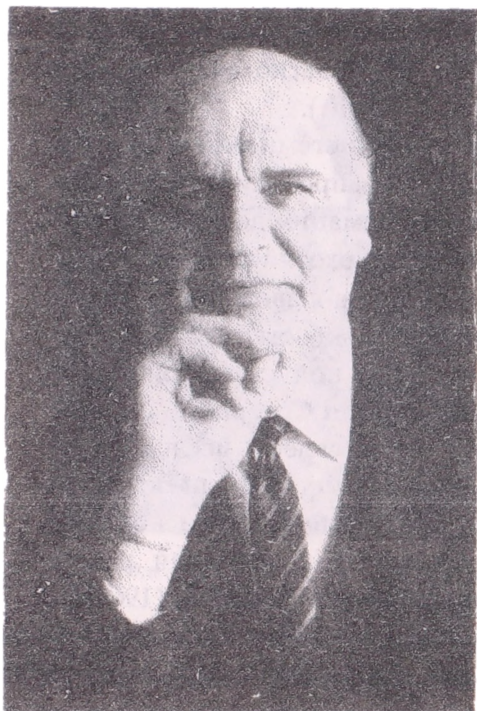
движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки" — 1965г.; "Социально-экономические последствия аграрных реформ в развивающихся странах Востока" и "Сельскохозяйственные рабочие в странах Азии и Африки" — 1969г.).

Наряду с работами, посвящёнными системному анализу изменений в аграрном строе, в 60—80-е годы проводились исследования по отдельным аспектам трансформации деревни, развитию кооперации, государственной сельскохозяйственной политике, состоянию сельскохозяйственного производства, "зелёной революции" и др. Итоги изучения аграрно-крестьянского вопроса к середине 60-х годов были подведены в коллективной монографии "Аграрный вопрос в странах Азии и Северной Африки" (1968г.), где была сделана первая попытка связать исследование экономических процессов в сельском хозяйстве стран Востока с изменениями в расстановке сил в деревне и крестьянском движении. Подобный же характер имела коллективная работа "Классовая борьба в современной индийской деревне" (1969г.).

С начала 70-х годов особое внимание экономистов-востоковедов Института стали привлекать процессы становления и эволюции мелкотоварного уклада в деревне, а также проблемы индустриализации в развивающихся странах. Предпринимаются попытки обобщения закономерностей индустриализации ("Проблемы индустриализации развивающихся стран" — 1971г. и др.).

Большое число индивидуальных и коллективных монографий учёные Института посвятили анализу особенностей развития, состава, структуры и положения рабочего класса ("Положение рабочего класса и рабочее движение в странах Азии и Африки", 1962г.; "Рабочий класс Азии и Африки", 1964 и 1966гг.; "Рабочий класс и рабочее движение в странах Азии и Африки", 1965г.; "Сельскохозяйственные рабочие в странах Азии и Африки", 1969г. и др.).

Одним из важнейших направлений экономических исследе-

Член-корреспондент РАН М.С. Капица,
директор Института востоковедения РАН

дований стало изучение финансовых проблем стран Востока. Комплексному исследованию этих проблем был посвящен трёхтомник, подготовленный авторским коллективом Отдела финансовых проблем Института. По-существу это было первое в отечественной науке сводное исследование проблем государственных финансов, кредита и денежного обращения зарубежных стран Азии. Финансовые проблемы изучались также и на страноведческом уровне. Результаты этих исследований изложены в нескольких индивидуальных монографиях и коллективных работах.

Ещё одно направление экономических исследований, проводимых в Институте, — комплексное изучение внешнеэкономических связей стран Востока.

Хотя фронт экономических исследований после 1950 г. быстро расширился, однако число неизученных или сравнительно мало изученных проблем всё ещё остается довольно большим. Связано это и с тем, что решение целого ряда проблем ныне уже невозможно силами одних только экономистов: оно требует совместных усилий специалистов разного профиля.

В экономических исследованиях, проводимых в Институте, всё большее место занимают новые методы анализа: с конца

50-х годов экономико-математические, а с начала 70-х годов — системные.

Исследования литератур народов Востока, которые ведутся в Институте, опираются на богатые традиции отечественного востоковедения, о которых рассказывалось в Главе I. В 1957г. в Институте был создан организационно самостоятельный Отдел литератур, который последовательно возглавляли И.С. Брагинский, Е.П. Чельшев и А.С. Сухочёв. Становлению и развитию этого направления в Институте содействовали своими трудами Л.А. Аганина, Н.А. Айзенштейн, Г.Ю. Алиев, Л.О. Алькаева, А. Бабаев, А.С. Герасимова, Д.Х. Дорри, Е.Я. Калининкова, В.Б. Кляшторина, Д.С. Комиссаров, В.К. Ламшуков, Г.И. Михайлов, З.Н. Петруничева, С.И. Потабенко, Н.И. Пригарина, И.Д. Серебряков, А.А. Суворова, С.Н. Утургаури, Л.Е. Черкасский.

Литературы Востока исследуются в Отделе в русле мирового литературного процесса.

Одним из важнейших направлений восточного литературоведения, разрабатываемых в Институте, является изучение закономерностей развития литератур Востока в связи с развитием национального самосознания его народов, общественной мысли и идеологии. Разработке этой проблемы были посвящены работы: "Литература и время", "Просветительство в литературах Востока", "Идеологическая борьба и литература современного Востока".

В органической связи с этой проблемой находится другая — изучение борьбы противоборствующих тенденций в развитии каждой национальной литературы, прослеживание сложных путей становления прогрессивных литературных течений и направлений в их столкновениях и противоборстве с традиционными и консервативными элементами. В связи с разработкой этой проблемы следует отметить работы: "Проблемы периодизации истории литератур народов Востока", "Интернациональное и нацио-

нальное в литературах стран Востока". Важной проблемой является изучение путей развития реализма во взаимодействии с другими творческими методами. Этой проблеме посвящены работы: "Литература урду", "Бирманская литература", "Литература и фольклор народов Востока" и другие.

Одной из узловых проблем восточного литературоведения является изучение литературных связей и взаимодействий. Разработке этой проблемы посвящены работы: "А.М.Горький и литература зарубежного Востока", "Маяковский в Китае", "Назым Хикмет, Жизнь и творчество", "Англоязычная литература Индии", "Русская классика в Китае".

Важное значение имеет проблема исследования гуманизма в восточных литературах, позволяющая осмыслить важнейшее значение литературы как средства активного воздействия на всю духовную жизнь народов Востока. Разработке этой проблемы посвящены работы: "Идеи гуманизма в литературах Востока", "Литература хинди", "Тао Юань-мин и его стихотворения", "Творчество Вэнь И-до", "Мирза Галиб — великий поэт Востока", "Поэзия Икбала", "Дашдоржийн Нацагдорж".

Не менее важным является исследование эволюции эстетических идеалов в творчестве ведущих писателей, которые определяют важнейшие направления развития национальных литератур Востока. Этой проблеме посвящены исследования творчества таких мастеров слова, как Рабиндранат Тагор, Кабир, Премчанд, Сурдас, Нирала, Куникида Дупло, Юй Да-фу, Назым Хикмет, Тао Юань-мин, Садек Хедаят.

Все эти проблемы изучаются в Институте в связи с той ролью и значением, которые играет каждая конкретная литература в общемировом литературном процессе.

Исследования, которые ведут литературоведы Института, стимулируют широкие научные контакты с учёными и писателями стран Востока. Эти связи осуществлялись по нескольким каналам — публикация работ сотрудников Института в странах

Востока (Индии, Иране, Афганистане и других); участие в конференциях за рубежом; публикация совместных работ (например, сборник о Мирзе Галибе, о Тагоре, совместные работы с индийскими, турецкими учёными и т.д.). Проводились симпозиумы по теоретическим проблемам восточных литератур (в Москве в 1966 году; в Варшаве и Кракове в 1972г.; в Веймаре в 1976г.). В результате этих симпозиумов были подготовлены и изданы коллективные работы.

После 1950г. в Институте развивалось изучение и исследование восточных языков - традиционная область востоковедения, в которой отечественные востоковеды достигли значительных результатов. Важной вехой развития восточной лингвистики явилось создание в 1957г. в Институте Отдела восточных языков, в котором были собраны специалисты по разным восточным языкам, ранее работавшие в страноведческих подразделениях Института, а также привлечены новые силы из других научных центров.

Объединение в одном коллективе учёных-лингвистов создало благоприятные условия для дальнейшего развития исследований в области восточных языков и для организационного оформления восточной лингвистики как важного направления востоковедных знаний.

Отдел языков последовательно возглавляли Г.П. Сердюченко, В.М. Солинцев, И.Ф. Вардуль, В.М. Алпатов. Стали выходить: серия "Языки зарубежного Востока и Африки" (начиная с 1959г. было опубликовано свыше 150 книг, получивших широкую известность и признание научной общественности) и многотомник "Языки Азии и Африки". К подготовке этих изданий были привлечены востоковеды-лингвисты из многих отечественных и зарубежных научных центров.

Трудами учёных Института восточное языкознание стало одним из главных, стабильно развивающихся направлений востоковедных знаний в нашей стране. Большой вклад в его разви-

тие внесли М.С. Андронов, М.Г. Асланов, Е.М. Быкова, В.В. Вертоградова, Ю.А. Горгониев, Н.А. Дворянков, Ю.Н. Завадовский, Б.М. Карпушкин, Л.Н. Киселёва, Ю.К. Лекомцев, В.П. Липеровский, Л.Н. Морев, Л.Б. Никольский, И.М. Ошанин, Ю.М. Парфионович, Ю.Я. Плам, Ю.А. Рубинчик, Г.Д. Санжеев, Ю.Х. Сирк, М.В. Софронов, Н.А. Сыромятников, В.А. Чернышов, Г.М. Шарбатов, Л.И. Шкарбан.

В 50-е годы лингвисты Института занимались главным образом собиранием материалов, накоплением фактов и работой по описанию языков или отдельных явлений восточных языков. Постепенно возрастал объём теоретических исследований. В 80-е годы наряду с работой по описанию восточных языков осуществлялись широкие исследования по истории восточных языков, велись типологические и общелингвистические исследования, значительное развитие получило начавшееся ещё в конце пятидесятых годов изучение языковой ситуации и языковой политики в странах Востока и Северной Африки. Изучаются государственные языки всех стран Азии и Северной Африки, а также языки многонациональных государств.

Были подготовлены большие словари ряда восточных языков — китайского, японского, персидского, хинди, афганского (пушту), турецкого. Большой китайско-русский (в 4 томах) и японско-русский словари были удостоены Государственной премии СССР.

Итоги изучения восточных языков были зафиксированы в ряде крупных научных грамматик — языков кхмерского, индонезийского, чжуан, тамильского, ленди и других. Большинство научных грамматик явились первыми в мировой ориенталистике научными описаниями восточных языков.

Учёные Института ведут изучение типологических и генетических связей языков Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Изучают проблемы синхронной и исторической лексикологии, проблемы соотношения литературных языков и диалектов, углублённо исследуют особенности строя отдельных восточных языков.

Прделана работа по созданию библиографий ряда восточных языков, продолжается работа над словарями, грамматиками восточных языков.

Проводятся исследования в области машинного перевода. С 1976г. в Отделе языков Института существует Лаборатория по машинному переводу с японского языка на русский.

Лингвисты Института регулярно проводят теоретические конференции (по проблемам типологии, семантики, родства языков и др.), в которых принимают участия как востоковеды, так и лингвисты других специальностей, а также лингвисты-теоретики.

С конца 60-х годов в Институте развивается новое направление, связанное с проблемами научной информации. Был создан Отдел научной информации, который возглавляет Л.И.Черноруцкая.

Директора Азиатского музея

1. Френ Христиан Данилович	11.11.1818 - 20.05.1842г.
2. Дорн Борис Андреевич	20.05.1842 - 19.05.1881г.
3. Розен Виктор Романович	19.05.1881 - 08.03.1882г.
4. Видеман Фёдор Иванович	12.04.1882 - 22.01.1885г.
5. Радлов Василий Васильевич	22.01.1885 - 09.01.1890г.
6. Залеман Карл Германович	09.01.1890 - 30.11.1916г.
7. Ольденбург Сергей Фёдорович	07.12.1916 - 04.04.1930г.

Директора Института востоковедения АН СССР

1. Ольденбург Сергей Фёдорович	04.04.1930 - 28.02.1934
2[8] Самойлович Александр Николаевич	28.04.1934 - 05.08.1937
3[9] Струве Василий Васильевич	05.08.1937 - 28.05.1938
4[10] Баранников Алексей Петрович	28.05.1938 - 24.12.1940
5[11] Струве Василий Васильевич	24.12.1940 - 01.07.1950
6[12] Толстов Сергей Павлович	01.06.1950 - 13.02.1953
7[13] Авдиев Всеволод Игоревич	13.02.1953 - 07.05.1954
8[14] Губер Александр Андреевич	07.05.1954 - 16.07.1956
9[15] Гафуров Бободжан Гафурвич	16.07.1956 - 12.07.1977
10[16] Примаков Евгений Максимович	26.12.1977 - 31.10.1985
11[17] И.о. Ким Георгий Фёдорович	04.11.1985 - 01.02.1987
12[18] Капица Михаил Степанович	02.02.1987 - по наст.вр.

Ленинградское отделение ИВ АН СССР (Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН)

1. Орбели Иосиф Абгарович	26.10.1956 - 02.02.1961г.
2. Кононов Андрей Николаевич	02.06.1961 - 14.06.1963г.
3. Петросян Юрий Ашотович	14.06.1962 - по наст.вр.

**Востоковеды — действительные члены Академии наук
(до 1917г.)**

1.	Т.-З. (Готлиб) Байер	1725
2.	Г.Ю. Клапрот	1804
3.	Х.Д. Френ	1817
4.	Я.О. Ярцов	1818
5.	А.М. Шегрен	1829
6.	Я.И. Шмидт	1829
7.	Ф.Б. Шармуа	1832
8.	Г.Л. Флейше	1835
9.	Р.Х. Ленц	1835
10.	М.И. Броссе	1836
11.	Б.А. Дорн	1839
12.	О.Н. Бётлингк	1842
13.	И.М. Ковалевский	1847
14.	А.А. Шифнер	1852
15.	Л.А. Крель	1855
16.	Ф.И. Видеман	1857 (специалист по финским языкам, но был дирек- тором Азиатского му- зея)
17.	В.В. Вельяминов-Зернов	1858
18.	В.Р. Розен	1879
19.	В.В. Радлов	1884
20.	В.И. Васильев	1886
21.	К.Г. Залеман	1886
22.	Ф.Е. Корш	1900
23.	С.Ф. Ольденбург	1900
24.	Ф.И. Успенский	1900 (историк-византист и директор Российского Археологического ин- ститута в Стамбуле)

25.	П.К. Коковцов	1903
26.	Н.Я. Марр	1909
27.	В.Ф. Миллер	1911
28.	В.В. Бартольд	1913
29.	Я.И. Смирнов	1913

**Востоковеды — члены-корреспонденты Академии наук
(до 1917г.)**

1.	Г.И. Спасский	1810
2.	П.И. Каменский	1819
3.	С.В. Липовцов	1819
4.	Н.Я. Бичурин	1828
5.	О.И. Сенковский	1828
6.	П.Л. Шиллинг фон Капштадт	1828
7.	А.К. Казем-бек	1835
8.	А. Баженов	1838
9.	Н.В. Ханыков	1852
10.	В.В. Григорьев	1853
11.	Д.А. Хвольсон	1868
12.	П.К. Услар	1868 (кавказовед)
13.	И.Ф. Готвальд	1870
14.	Н.И. Ильминский	1870
15.	Д.З. Бакрадзе	1879
16.	К.П. Патканов (Патканян)	1885
17.	П.С. Попов	1890
18.	В.Г. Тизенгаузен	1893
19.	В.А. Жуковский	1899
20.	О.Э. Лемм	1906
21.	А.И. Томсон	1910
22.	Н.И. Веселовский	1914

Востоковеды — академики на 25 октября (7 ноября) 1917г.

1. В.В. Бартольд
2. П.К. Коковцов
3. Н.Я. Марр
4. С.Ф. Ольденбург
5. В.В. Радлов умер 12.05.1918
6. Я.И. Смирнов умер 23.10.1918
7. Ф.И. Успенский
8. Н.К. Никольский

**Востоковеды — члены-корреспонденты Академии наук
на 25 октября (7 ноября) 1917г.**

1. В.А. Жуковский умер 04.01.1918
2. О.Э. Лемм умер 03.06.1918
3. А.И. Томсон
4. Н.И. Веселовский умер 12.04.1918
5. Б.А. Тураев умер 23.07.1920
6. Ф.И. Щербатской
7. М.Н. Сперанский
8. Д.А. Хвольсон

Почётные члены:

П.С. Уварова
О.-Н. Бётлингк

**Действительные члены Академии наук,
избранные после 1917г.
(фамилии расположены по годам избрания)**

1.	Б.А. Тураев	1918
2.	Ф.И. Щербатской	1918
3.	И.Ю. Крачковский	1921
4.	В.М. Алексеев	1929
5.	Б.Я. Владимирцов	1929
6.	А.Н. Самойлович	1929
7.	И.Ф. Орбели	1935
8.	В.В. Струве	1935
9.	А.П. Баранников	1939
10.	И.А. Джавахашвили	1939
11.	Я.А. Манандян	1939
12.	С.А. Козин	1943
13.	В.А. Гордлевский	1946
14.	Е.М. Жуков	1958
15.	Н.И. Конрад	1958
16.	А.А. Губер	1966
17.	Б.Г. Гафуров	1968
18.	Г.В. Церетели	1968
19.	Б.Б. Пиотровский	1970
20.	А.Н. Кононов	1974
21.	М.А. Коростовцев	1974
22.	Е.М. Примаков	1979
23.	С.А. Тихвинский	1981
24.	Е.П. Челышев	1987
25.	Г.М. Бонгард-Левин	1990